

АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

Не мешайте
палачу

Каменская

Александра Маринина

Не мешайте палачу

«Автор»

1996

Маринина А.

Не мешайте палачу / А. Маринина — «Автор»,
1996 — (Каменская)

ISBN 978-5-699-30319-9

Февраль 1996 года. После отбытия наказания из колонии выходит человек, которого хотят использовать в предвыборной гонке как козырную карту. Анастасии Каменской поручается обеспечить безопасность этого человека на пути в Москву. Вернувшись вместе с бывшим осужденным, она начинает расследовать серию загадочных убийств.

ISBN 978-5-699-30319-9

© Маринина А., 1996

© Автор, 1996

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	31
Глава 4	44
Часть II	57
Глава 5	57
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Александра Маринина

Не мешайте палачу

Все события, описанные в этом романе, являются вымышленными, а совпадения с реальными фактами – случайными.

Часть I

Возвращение

Глава 1

– Ты знаешь об этом больше меня, и я не понимаю, почему ты обращаешься ко мне за помощью.

Высокий массивный человек в генеральской форме вышел из-за стола и принялся мерно, неторопливо расхаживать по своему просторному кабинету. Его собеседник сидел в кресле, закинув ногу на ногу, но его расслабленная поза и свободно лежащие на подлокотниках руки были лишь видимостью спокойствия и уверенности. Антон Андреевич Минаев внутри был как натянутая струна, хотя разговаривал в данный момент не с противником и не с собственным начальником, а с давним добрым приятелем еще с институтских времен. Правда, пришел он просить его об одолжении, о помощи, но ведь друзья... И по рангу равны, не только по погонам, но и по должности, хотя и в разных ведомствах.

– При чем тут мои знания, Саша? В данном случае информированность только мешает, – ответил Минаев. – Речь идет о том, что парень не доедет до Москвы, потому что его сожрут на первом же километре пути от зоны до вокзала. В моем подчинении сейчас нет оперативного состава, а выходить с просьбами к руководителям других подразделений – это все равно, что провалить всю затею. Я прошу тебя сделать только две вещи: запроси администрацию зоны, пусть дадут тебе оперативную информацию о нем, и помоги довезти его до Москвы. Обстоятельства, которые имели место два года назад, заставляют меня думать, что слишком многие проявят интерес к этому человеку, а я хочу встретиться с ним первым. Вот и все. Потом пусть сам выбирает, где и как ему жить и на кого работать, если вообще жить и работать, а не умереть и не валяться в морге.

– Какой у тебя к нему интерес? Учти, Антон, если ты собираешься ввязываться в политику – скатертью дорожка, но без меня. Я в эти игры не играю. Я могу сделать то, о чем ты просишь, хотя это и потребует определенных усилий, но я и пальцем не пошевелю, пока ты мне не объяснишь, зачем тебе этот злобный хулиган Сауляк.

– Причин много, Саша, – очень серьезно и даже немного грустно сказал Антон Андреевич. – Но одна из них – главная. Сауляк был агентом Булатникова и загремел в зону практически сразу же после его гибели. Ты же помнишь, как погиб Владимир Васильевич Булатников? И я хочу понять, кто упрятал парня и зачем. Хотели его сберечь? Или, наоборот, заставить молчать? И если так, то он должен дать мне выход на тех, кто знает, как и почему погиб Булатников. Пойми, Саша, Булатников был моим учителем, он возглавлял управление, когда я пришел туда работать старшим инспектором, и под его руководством и с его поддержкой я прошел весь путь от старшего инспектора до заместителя начальника управления. Мне нужен Сауляк, потому что только он знает, чем занимался Владимир Васильевич, когда вдруг так странно и нелепо погиб. И только сам Сауляк знает, как и почему он оказался за решеткой.

– Убедительно, – кивнул головой Александр Семенович, продолжая мерно рассказывать по просторному кабинету. – Когда заканчивается срок у твоего парня?

– Точно не знаю, где-то между 1-м и 15-м февраля.

– Что ж, время есть, как минимум дней десять. Я посмотрю, что можно сделать, Антон. Ничего не обещаю конкретного, сам должен понимать, такие вещи нужно планировать заранее, а за десять дней ничего толкового не родишь. Запрос в оперчасть зоны мы пошлем, правда, качество и полноту ответа я тебе гарантировать не могу. И насчет того, как его довести до тебя, подумаем. Ты прости меня, Антон, давай встретимся не здесь, а дома. Сейчас уже пять минут четвертого, у меня на три часа назначено совещание, люди ждут.

Генерал Минаев тут же поднялся с низкого кресла, вскочил легко и без малейшего напряжения, из чего сразу стало понятно, что ни один его мускул ни на секунду не расслаблялся на всем протяжении разговора.

* * *

Заканчивая совещание, Александр Семенович Коновалов уже прикидывал, как наилучшим образом выполнить просьбу друга, чтобы при этом минимально нагружать дополнительной работой собственных подчиненных. Его должность вполне позволяла получить информацию об осужденном Сауляке, но вот с его доставкой из Самары могли возникнуть немалые сложности. Если Минаев сказал правду и Сауляк действительно был агентом самого Булатникова, то желающих заполучить его немедленно после освобождения найдется немалое количество. Владимир Васильевич Булатников был фигурой столь же влиятельной, сколь и никому не известной, кроме, разумеется, своих коллег. И только очень немногие знали, что почти за всеми перемещениями в высоких правительственных должностях, которые имели место в период между августом 1991 и октябрём 1993 года, за всеми скандальными разоблачениями этого периода, за всеми более или менее значительными событиями в то время стоял генерал-лейтенант Владимир Булатников. Никто не знал почему, никто не мог понять тех механизмов, которые он приводил в действие. Просто был узкий круг людей, которые знали: случись нужда – найди Булатникова. Этот человек может все.

Так по крайней мере представлял дело Антон Минаев, а уж верить ему или нет – это был вопрос второй. Александр Семенович меньше всего думал о том, как помочь другу, ибо проработал в органах внутренних дел столько лет, что привык в первую очередь думать о деле, во вторую – об интересах своего ведомства и о собственных интересах, а о дружбе – в третью, а то и в четвертую. Если Антон ничего не преувеличил и не передернул, то этого Сауляка могут или похитить, или шлепнуть сразу же после того, как он переступит порог колонии. Если убьют – черт с ним, Сауляк – не фигура, не депутат, не народный артист и не журналист, известный своими скандальными разоблачениями. Его убийства никто даже и не заметит. Но если похитят, то кто знает, с какой целью. И кто знает, как много известно этому парню. Два года, которые Сауляк провел в колонии, он молчал и сидел тихонечко, как мышка за печкой, стало быть, своими горестными знаниями не пытался купить себе свободу. Поэтому вряд ли он начнет по собственной воле болтать, оказавшись по другую сторону тюремных ворот. Мало ли какие причины у него есть для молчания, но совершенно очевидно, что они есть, и слава Богу. А вот если кто-то захочет эту информацию использовать, то парня нужно будет похитить и развязать ему язык. Последствия, с одной стороны, непредсказуемы, но с другой – просчитываются легко, ибо начинается предвыборная гонка. Президент обещал не позднее 15 февраля объявить, будет ли он баллотироваться на второй срок. Стало быть, до 15 февраля еще есть возможность повлиять на его решение. Уж не нашлись ли желающие сделать бывшего агента разменной картой?

Совещание закончилось около пяти часов, в половине седьмого в учреждение, находящееся в Самарской области и имеющее сложный буквенно-цифровой код, ушла шифротелеграмма, и генерал Коновалов решил подождать ответа, прежде чем действовать дальше.

* * *

Ответ на шифротелеграмму пришел через три дня и ничем Александра Семеновича не порадовал. Фразы были гладкие, казенные, привычные, ни глазу, ни уму зацепиться не за что. За время отбывания наказания Сауляк Павел Дмитриевич, 1951 года рождения, осужденный в марте 1994 года по статье 206, часть 3 УК РСФСР и приговоренный к двум годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии общего режима, ничем особенным не выделялся. С «отрицаловкой» не якшался, но и с администрацией не сотрудничал. Добросовестно трудился в пошивочном цехе, где осужденные создавали непревзойденные творения портновского дела – брезентовые рукавицы и палатки. Нарушений режима не допускал, посылок и писем не получал, на свидания к нему никто не приезжал. Вопрос об условно-досрочном освобождении им не ставился, но никаких особых оснований к этому и не было. Да, дисциплину соблюдал, но признаков того, что он осознал свою вину, раскаялся и искупил ее трудом, не наблюдалось. Замкнут, нелюдим, в контакт ни с осужденными, ни с представителями администрации не вступал. Сауляк был арестован 4 февраля 1994 года, соответственно срок лишения свободы исчислялся с момента заключения под стражу и 3 февраля 1996 года истекал.

Прочтя этот маловразумительный текст, генерал Коновалов пожал плечами. Он точно знал, что так, как написано, просто не бывает. Не может находящийся в колонии человек спокойно и мирно трудиться и ни с кем не конфликтовать и не контактировать. Либо его должна прикрывать администрация, либо он должен входить в группировку вокруг какого-нибудь лидера, в так называемую «семью». В любом другом случае конфликты и контакты неизбежны, и Сауляк должен был как минимум два-три раза дать в морду кому-нибудь, причем не слегка, а как следует, чтобы от него отстали, и получить за это пятнадцать суток штрафного изолятора, а то и все тридцать. Однако в ответе, пришедшем из колонии, было черным по белому написано, что нарушений режима за осужденным Сауляком не числится, а конфликтных отношений с другими осужденными у него нет, и это наводило Александра Семеновича на грустную мысль о том, что либо сотрудник оперчасти, составлявший ответ, ничего не понимает в своей работе, либо тут что-то нечисто. Пожалуй, Антон Минаев прав, за этим Сауляком нужно присмотреть.

Еще день ушел у Александра Семеновича на то, чтобы решить, какими силами попытаться прикрыть загадочного агента-хулигана. До 3 февраля оставалось семь дней. Не так уж много, чтобы как следует подготовить комбинацию, а ведь ее еще надо было придумать... И генерал Коновалов позвонил человеку, которому, как он считал, он мог доверять полностью. Он позвонил в Управление уголовного розыска ГУВД Москвы, начальнику отдела по борьбе с тяжкими насильственными преступлениями полковнику Виктору Гордееву.

* * *

Настя Каменская давно уже не мерзла так отчаянно, как в эту зиму. В течение нескольких предыдущих лет температура в зимние месяцы крутилась вокруг нуля, под ногами постоянно было сыро и слякотно, сапоги протекали, а форточки в помещениях можно было держать открытыми круглые сутки. В этом году природа опомнилась и решила показать, что такое зима, чтобы народ не забывал.

По утрам Насте было холодно вылезать из-под одеяла, и это только добавляло ей страданий, потому что вообще утренний подъем был для нее мероприятием трагическим, особенно если за окном еще было темно. Вскочив с постели, она бежала на кухню, зажигала газ во всех

четырёх конфорках, после чего мчалась в ванную и становилась минут на десять-пятнадцать под горячий душ, ожидая, когда организм соизволит проснуться, а в кухне станет тепло. Каждый день, стоя под обжигающими струями воды, она думала об одном и том же: «За что мне это? Почему я должна так мучиться? Я так хочу лечь, у меня закрываются глаза, у меня подгибаются ноги, я ничего не соображаю, у меня кружится голова. Я не могу вставать в половине седьмого, я не могу, я не могу!» Но точно так же каждый день она выходила из ванной, наливала себе чашку крепкого кофе и стакан ледяного сока, и уже через четверть часа жизнь казалась ей вполне сносной, а недавние горестные причитания – глупыми и пустыми. Самыми тяжелыми были первые минуты после подъема, и нужна была недюжинная сила воли, чтобы их пережить и не сломаться. Почему Настя Каменская была так устроена, никто не знал, но все привыкли, в том числе и она сама.

Сегодня она стояла под душем и в соответствии с заведенным порядком отчаянно жалела сама себя, когда из-за двери послышался голос мужа:

– Тебе гренки жарить на завтрак?

– Не надо, – ответила она страдальческим голосом.

– А что хочешь? Яичницу?

– Ничего не хочу. Хочу умереть.

– Понятно, – усмехнулся за дверью Алексей. – Значит, гренки. Кончай придуриваться, на кухне уже тропическая жара.

Она выключила воду и сразу почувствовала, как хорошо прогретая ванная начала наполняться холодным воздухом, коварно вползающим из-под двери. Настя торопливо вытерлась, завернулась в длинный теплый халат и метнулась в сторону кухни, где ее ждало спасительное тепло.

– Везет же некоторым, – с шутливой завистью пробормотала она, вонзая зубы в сочный кусок поджаренного белого хлеба с расплавленным сыром. – И на работу с утра пораньше бежать не надо, и встают по утрам как на праздник, без слез и мучений.

– Ага, – подтвердил муж, – везет же некоторым с мужьями. Терпеливые, любящие, и встают по утрам, чтобы завтрак жене приготовить, и по магазинам ходят, и с тяжелым характером супруги мирятся. Почему у тебя есть такой муж, а у меня такой жены нет?

– Выбирать не умеешь, – пожалла плечами Настя. – За те пятнадцать лет, что ты меня домогался, ты вполне мог бы подыскать себе что-нибудь получше. Кто ж виноват, что ты уперся рогом – и ни в какую, подавай тебе меня. Между прочим, а ты чего вскочил в такую рань? Ты же вроде бы собирался сегодня дома работать.

– Я и сейчас собираюсь. Тебя, лентяйку, пожалел, встал, чтобы тебе завтрак приготовить.

– Спасибо, солнышко, я ценю, – благодарно улыбнулась Настя. – Когда вам обещали зарплату выплатить?

– Нам не обещают, нам ее молча не выплачивают, – хмыкнул Алексей. – Как в ноябре не заплатили, так и молчат по сей день. А что, у нас намечаются проблемы?

– Еще не знаю, но вполне возможно. Нам тоже за январь не заплатили, но по крайней мере обещают со дня на день. На вчерашний день у нас с тобой было триста тысяч в заначке, неделю мы проживем на них, а потом что будем делать?

– Асенька, не забивай ты себе этим голову, – поморщился Алексей. – На этой неделе у меня четыре платные лекции, а на следующей – три. Протянем.

– Лешик, но из-за того, что тебе не платят зарплату с ноября, мы с тобой прожили твой последний учебник, просто съели его с первой до последней страницы вместе с введением, заключением и обложкой. Мы с тобой как-то неправильно живем, у нас нет стратегии, как зарабатывать деньги и как их тратить. Ты ведь помнишь, мы планировали отложить гонорар за этот учебник на годовщину свадьбы, чтобы поехать куда-нибудь. Завтра мы проедем твои

лекции, а что мы будем делать послезавтра, если ни тебе, ни мне денег не дадут? Начнем продавать подарки, которые ты мне дарил?

– Ася, этот разговор, тем более в спешке, не имеет смысла, если у тебя нет конкретных предложений. Ешь, пожалуйста, быстрее, иначе опоздаешь на работу.

– У меня есть вариант, и я хочу, чтобы ты о нем подумал. Ты говорил, что во время последней конференции тебе сделали интересное предложение...

– Ася!

Алексей резко встал и отошел к окну.

– Ты ведь все равно со мной не поедешь. Я понимаю, тебе совершенно безразлично, где я нахожусь, рядом с тобой или за тридевять земель, в Канаде, ты ничего не видишь, кроме своей работы, и тебе ничего не нужно, кроме этой работы. Но я не хочу от тебя уезжать, я без тебя скучаю, я по тебе тоскую, и мы с тобой обсуждали этот вопрос неоднократно.

– Лешенька, ну что ты сердишься! Что мы с тобой должны делать? С голоду подыхать? Ни ты, ни я не виноваты в том, что бюджетникам не платят зарплату, и поправить мы здесь ничего не можем. Это не в наших силах. Значит, кто-то из нас двоих должен зарабатывать деньги, другого выхода все равно нет. И если бы ты поехал на три месяца в Канаду и прочитал там свой курс, мы могли бы по меньшей мере год не думать о том, выплатят нам с тобой зарплату или нет.

– Не поеду, – упрямо мотнул головой Алексей. – Я и здесь заработаю, не помрем с голоду.

Они не поссорились, нет, Настя и Алексей вообще не ссорились практически никогда, но неприятный осадок от разговора остался, и на работу Настя пришла не в самом лучшем расположении духа. В кабинете было холодно, и она даже не могла бы точно сказать, отчего злитесь больше – от холода и не оставляющего ее озноба или от утреннего разговора с мужем. Неприятно было признаваться себе в том, что Лешка отчасти был прав: она действительно совершенно спокойно отнеслась бы к тому, что его целых три месяца не будет рядом. Она так привыкла жить одна, ни в ком не нуждаясь, что восемь месяцев жизни в замужестве еще не успели привить ей страх перед разлукой с супругом.

В десять часов предстояло идти к начальнику отдела на утреннюю оперативку, но без десяти десять к ней заглянул Коля Селуянов и сообщил, что оперативного совещания не будет.

– С чего это? – удивилась Настя. – Что-то стряслось?

– Не в курсе, – мотнул головой Селуянов. – Колобка с самого утра не было, а пять минут назад он позвонил и сказал, что приедет не раньше двенадцати.

– Ну, слава Богу, не заболел, – с облегчением улыбнулась она. – Все остальные неприятности мы как-нибудь переживем.

Работы было, как обычно, непочатый край. Настя куда-то звонила, что-то выясняла, наводила справки, уточняла сведения, чертила схемы, делала записи, хмурилась, фыркала, пила кофе, беспрестанно курила, но к вечеру почувствовала, что в голове немного прояснилось. Дважды в течение дня ей приходилось прерывать свои увлекательные изыскания, потому что приходили свидетели, с которыми нужно было побеседовать. Эти поручения давал ей начальник отдела полковник Гордеев по прозвищу Колобок, поэтому, когда в восьмом часу вечера Настя снова услышала его голос по внутреннему телефону, она решила, что под конец дня подоспел еще один свидетель, которым ну совершенно некому заняться, кроме нее, дурочки.

– Зайди, – коротко бросил Гордеев, и Настя отметила, что голос у начальника не очень-то похож на благодушный. Интересно, когда же это она успела провиниться и в чем? Ведь не далее как два часа назад Виктор Алексеевич разговаривал с ней спокойно и дружелюбно, называл деточкой и хвалил за удачно найденное решение.

Вопреки ее ожиданиям, начальник вовсе не выглядел сердитым или расстроенным.

– Садись, – кивнул он, когда Настя вошла. – И постарайся ничему не удивляться. Скажи, пожалуйста, ты газеты читаешь хотя бы иногда?

– Хотя бы иногда, – с улыбкой подтвердила она. – Но это «иногда» случается крайне редко.

– И телевизор не смотришь?

– Смотрю, но тоже нечасто.

– Значит, политикой не интересуешься?

– Ни в малейшей степени, – твердо заверила она начальника.

– Это плохо. Придется проводить с тобой ликбез.

– Может, не надо, Виктор Алексеевич? – жалобно попросила Настя. – Не люблю я этого.

– Надо, деточка, иначе ты ничего не поймешь.

– Что, так сложно? – усмехнулась она недоверчиво.

– Для меня – нет, но я газеты читаю, в отличие от тебя. Значит, так, Стасенька. Жил-был когда-то генерал-лейтенант Булатников, начинал работать в КГБ, заканчивал там же, только название было другое. И был у него особо доверенный человек, агент. Сауляк Павел Дмитриевич. В девяносто третьем году, вскоре после октябрьских событий, генерал-лейтенант Булатников погиб при невыясненных обстоятельствах, а еще через некоторое, очень короткое, время Павел Сауляк оказался под судом и отправился прямым ходом в места лишения свободы.

– Несчастный случай? – спросила Настя. – Или сам подсел?

– Кто ж его знает, кроме самого Павла Дмитриевича, – развел руками Гордеев. – Но через неделю, 3 февраля, срок наказания у него заканчивается, и он выходит на свободу. С ним пока все. Вернемся к Булатникову. У Владимира Васильевича Булатникова были две вещи, которые одинаково важны нам с тобой на сегодняшний момент. Во-первых, у него была репутация человека, который очень многое может, очень многое делает, но еще больше – знает. И во-вторых, у него был ученик, человек, которого он пестовал много лет, поднимал по служебной лестнице, отшлифовывал его мастерство и в конце концов довел его до должности собственного заместителя. Фамилия этого человека – Минаев, Антон Андреевич Минаев. После гибели Булатникова на его место пришел другой человек, заместитель из числа людей Булатникова его не устроил, и Минаеву пришлось перейти в другую службу, но в рамках все того же ведомства. И поскольку генерал-майор Минаев – человек, помнящий добро очень хорошо, мысль о непонятной гибели своего покровителя и учителя все это время не давала ему покоя.

– И он хочет задать несколько вопросов Павлу Дмитриевичу?

– Совершенно верно, – кивнул Гордеев.

– Так в чем проблема? Он не умеет задавать вопросы? Или он не хочет светиться и встречаться с этим типом лично?

– Все он умеет и хочет. Но он, видишь ли, деточка, боится, что Сауляк до него просто не доедет.

– Почему же?

– Ну вот, конечно, я так и знал, что придется тебе все объяснять. Ты что, не понимаешь, кто такой Сауляк?

– Нет, не понимаю. Что я должна понимать, кроме того, что он – комитетский агент? То обстоятельство, что вскоре после смерти Булатникова он оказался за решеткой, говорит только о том, что он слишком много знает, причем независимо от того, по чьей воле он туда отправился, по своей или по чужой. Причина для этого была только одна, и она очевидна.

– Ну вот, а говоришь, что не понимаешь. Значит, ты должна отдавать себе отчет в том, что больше ста метров от ворот колонии Сауляк не пройдет. И если пройдя эти сто метров, он умолкнет навсегда, то это еще полбеды, как бы кощунственно это ни звучало. Второй вариант грозит нам большими неприятностями.

– Вы думаете, его захотят похитить, чтобы вытрясти из него все, что он знает?

– Мне приходится так думать. Видишь ли, деточка, ученик Булатникова генерал-майор Минаев располагает сведениями о том, что примерно три-четыре месяца назад кто-то стал

проявлять активный интерес к осужденному за хулиганство Павлу Дмитриевичу. И у него есть все основания полагать, что к Сауляку начали подбираться, причем даже не с одной стороны, а с двух, а то и с трех. Сауляк работал на Булатникова и, во-первых, может знать, кто и почему убрал генерала, а во-вторых, может знать много такого, что очень пригодится в начинающейся предвыборной гонке. В этом деле, как ты понимаешь, все средства хороши, и каждый действует по мере собственного разумения. Кто-то начнет клеймить сволочей-руководителей и добиваться, чтобы были выплачены задолженности по зарплате и пенсиям, кто-то будет доказывать, что придумал самый эффективный способ прекращения чеченской кампании, а кто-то начнет землю рыть в поисках компры на соперника и его группировку.

– Ну и прекрасно. Так я все равно не понимаю, в чем проблема. Что, у генерала Минаева нет возможности обеспечить Сауляку охрану? Почему эта проблема вдруг стала вашей, а не его?

– Потому что Антон Андреевич Минаев не имеет в своем распоряжении оперативных аппаратов и не хочет огласки. Потому что Антон Андреевич Минаев обратился со своей проблемой к своему старому приятелю Александру Семеновичу Коновалову, а генерал Коновалов, в свою очередь, переложил ее на мои плечи. И потому что обеспечивать охрану Сауляка бессмысленно. Количество перейдет в качество, но суть результата от этого не изменится. Если Сауляка будет охранять один человек – убьют или похитят обоих. Если на его охрану выделить пять человек – для достижения цели к воротам колонии явятся человек десять бандитов. Если вокруг Сауляка выстроить роту – понадобится войсковая операция, чтобы его достать. Но его же все равно достанут, пойми это. Два года он молчал, два года от него не просочилось никакой информации, но это совершенно не означает, что он ею не располагает. И те, кто сейчас проявляет к нему такой интерес, хотят эту информацию из него вытрясти, чтобы использовать в политической игре.

– Ну и пусть используют, – пожала плечами Настя. – Нам-то с вами что за печаль? На то она и игра, пусть резвятся.

– Ничего-то ты не понимаешь, – покачал лысой головой Гордеев по прозвищу Колобок. – Во-первых, я получил приказ от генерала Коновалова, не выполнить который я не могу. У него есть оперативная информация о том, что готовится убийство или похищение человека, и он дает мне задание это преступление предотвратить. Все, деточка, разговор окончен, сколько бы я ни дергался. Во-вторых, это мы с тобой – майор да полковник, люди тихие и незаметные, а они – генералы, лица, приближенные к императору. Им этот Сауляк тоже нужен, потому что оба они наверняка в чьей-нибудь команде. И хорошо, если в одной. Потому что если в разных, то мы с тобой еще хлебом дерьма от них же. И вот я спрашиваю тебя, деточка: знаешь ли ты, что нужно сделать, чтобы довезти Павла Дмитриевича Сауляка от колонии в Самарской области до столицы нашей родины живым и невредимым?

– Знаю, – сказала она. – Я знаю, что нужно сделать. Только я не очень себе представляю, как это сделать.

* * *

Он был спокоен и терпелив, как впавшая в анабиоз ящерица. До конца срока всего шесть дней, но его это оставляло равнодушным, потому что он никак не мог решить, хорошо это или плохо. Сауляк ежедневно читал газеты с того самого дня, как оказался в этой зоне, чтобы понимать, миновала ли опасность, но так и не понял. То ему казалось, что можно выходить, что ничего плохого с ним уже случиться не может, то вдруг опять что-то происходило во внутренней политике, и он считал за благо отсидеться в тиши. Не имея за плечами ни одного нарушения режима, постоянно перевыполняя нормы выработки в цехе, он в любой момент мог подойти к начальнику отряда и сказать, что хочет похлопотать об условном или условно-

досрочном освобождении. Причин для отказа не нашлось бы, и суд наверняка удовлетворил бы ходатайство. Но Павел Сауляк так и не воспользовался этим. Не было у него уверенности, что там, снаружи, на воле, он будет в безопасности. И что его ждет через шесть дней? Может, выкинуть какой-нибудь фортель, пока не поздно, и намотать себе дополнительный срок? Или все-таки выйти?

Сауляк имел собственные принципы работы, и одним из этих принципов был запрет на повтор одного и того же приема, если это может привести к расшифровке. В первый раз, два года назад, он намеренно совершил преступление и отправился за решетку, там ему было спокойно и безопасно. Но, если есть люди, которые за ним наблюдают и ждут, когда он выйдет, они сразу догадаются, что он их боится, если за несколько дней до освобождения он сделает все для того, чтобы не выйти из зоны. Трюк дешевый и всем известный. Пока можно делать вид, что ничего особенного не знаешь, что два года назад действительно напился и нахулиганил, с кем не бывает, и тебе даже в голову не приходит, что кто-то может за тобой охотиться, что ты для кого-то представляешь интерес. Почему не приходит? Да потому что в этой голове и нет ничего интересного, так, глупости одни. А вот если показать свой страх, это все равно что признаться: да, ребята, я много знаю, да такого, что у вас волосы на ушах сначала вырастут, потом зашевелиятся, а потом все от ужаса повыпадают. Тогда точно кранты. Тогда в любой зоне достанут, ни за чем не постоят, никаких денег не пожалеют на взятки, а достанут.

Павел повернулся на койке, почувствовал, как заныл бок – давал себя знать холецистит, сел, спустив ноги на пол. Барак спал или делал вид, что спит. Сауляк знал, что в этой обманчивой тишине чего только не происходит...

Он натянул сапоги и пошел по проходу, не топая, но и не стараясь особо не шуметь. Походка у него была мягкая и легкая, и он без всяких дополнительных усилий передвигался почти бесшумно.

– Ты куда, Черенок? – послышался шепот сзади. – Гляди, нарвешься.

Павел даже головы не повернул. Он знал, что единственным человеком, который не хочет, чтобы Сауляк вышел из зоны, был молоденький первоходок Коля, осужденный за дурацкую кражу еще по малолетке и переведенный во взрослую колонию по достижении восемнадцати лет. Коля пришел в зону совсем недавно, месяца два назад, и его невысоким, ладно скроенным телом сразу же заинтересовались любители. Сауляк, который дал себе зарок ни с кем не контактировать в колонии в целях собственной же безопасности, вынужден был отступить от данного себе слова, потому что пожалел мальчишку. Краем уха он ловил разговоры, ведущиеся вокруг того, «как бы Кольку опустить половчее», и терпеливо ждал, когда подонки приступят к осуществлению своего замысла. Ждать пришлось недолго, заводилы наконец договорились о порядке очередности. Сауляк глаз с мальчишки не спускал, и когда понял, что «вот, началось», тихо подошел к двери, за которой укрылись насильники. Возле двери, разумеется, стояли двое жлобов, которых поставили «на атас», пообещав дать попользоваться Колей после паханов, но они не являли собой препятствия для Павла. Давно еще, спустя только месяц после прихода Павла в зону, все знали, что связываться с ним нельзя. Себе дороже. Поэтому завидев бесшумнодвигающуюся почти бесплотную фигуру Черенка, они только и думали о том, как бы не встретиться с ним взглядом.

Дверь оказалась запертой, Сауляк не глядя протянул руку и с удовлетворением почувствовал, как в ладонь лег теплый металлический ключ, послушно положенный одним из жлобов. Он резко повернул ключ в замке и рванул дверь. Еще ничего не случилось, он успел. Коля стоял, согнувшись вперед, за руки и за ноги его держали четыре сукиных сына, а тот, чья очередь по жребью или по договору была первой, уже спустил штаны и с шуточками и прибауточками демонстрировал собравшимся свой прибор в полной боевой готовности. Зрелище было устрашающим, потому что под кожу полового члена, и без того имевшего от природы внушительные размеры, были вшиты шарики – предмет особой гордости этого придурочного пахана.

Сауляк лишь на мгновение представил себе, какую дикую боль испытает бедный мальчишка, когда это жуткое сооружение разорвет его анус, но этого мгновения было достаточно, чтобы все разом прекратилось. Гордо торчащий вперед и вверх толстый длинный член вдруг начал съезживаться у всех на глазах и обвисать, как воздушный шарик, из которого выпускали воздух. Все стояли молча, не произнеся ни слова, оцепенев, хотя, по сути, ничего сверхъестественного не произошло. Не покойник же к ним явился с того света, а Черенок, такой же зек, как они сами. Все они знали, что Черенок не продаст, не стукнет. За два года много чего происходило на его глазах, его даже прямо провоцировали на стукачество, ожидая, что он ссучится и потом можно будет с чистой совестью устроить ему судилище, да так и не дождались. Но все замерли, вперив глаза в пол. Сауляк взял Колю за плечо и вывел наружу. Парнишка рыдал в голос, даже не пытаясь спрятать лицо, до того он был напуган.

– Не реви, – сухо сказал ему Павел. – Все уже кончилось. Больше не повторится.

– Откуда ты знаешь? – всхлипнул Коля. – Ты у них главный, что ли?

– Нет. Но я знаю.

– Можно мне в твою семью? – робко попросил паренек.

– У меня нет семьи. Я один.

– Возьми меня к себе. Вдвоем будем. Братва говорит, тебе посылки не шлют и на свиданки не ездят, а мне мама будет присылать и привозить, я с тобой буду делиться.

– Не нужно, мне хватает.

– Посмотри, ты худой какой, как же хватает! – возмутился Коля. – Не зря тебя Черенком зовут, ты же за черенком от лопаты можешь спрятаться.

– Я сказал – не нужно.

Тогда Павел встал и ушел, прервав разговор. Он не стал приближать Колю к себе, но постоянно чувствовал его взгляд, полный признательности и робкого восхищения. Поэтому сейчас, нахально двигаясь к выходу из барака и слыша доносящийся сзади шепот, Сауляк понимал: любой из его отряда может проявить заботу о том, чтобы он не «нарвался», потому что каждый из них хочет, чтобы ненавистный, непонятный и источающий неясную, но острую опасность Черенок убрался наконец отсюда. Никто из них не хочет, чтобы он нарвался на неприятность из-за нарушения режима всего за несколько дней до освобождения. Только, может быть, маленький Коля хотел бы, чтобы Черенок еще задержался здесь, потому что боялся оставаться без поддержки. Все остальные спят и видят, как бы побыстрее избавиться от него. Конечно, за нарушение режима его здесь не задержат, нет такого закона, чтобы назначенный судом срок самовольно продлевать, но если за несколько дней до освобождения Черенка разозлить, то эти несколько дней превратят жизнь обитателей барака в ад. Уж в этом-то никто не сомневался.

Сауляк открыл дверь в коридор и тихо прошел к умывальникам. Зажег свет, ничего не опасаясь, открыл кран, сполоснул лицо ледяной водой, поднял голову и посмотрел на свое отражение в шербатом мутном зеркале. Он почти не изменился за эти два года. Даже не похудел, потому что худеть уже было некуда, он всегда был тонким, как струна. Узкая кость, обтянутая гладкой шелковистой кожей. Сильно впавшие щеки, высокий лоб, маленькие глаза в обрамлении коротких незаметных ресниц, почти полностью отсутствующие брови, тонкий, но слишком длинный для такого лица нос с выраженной горбинкой. На голове – полтора волоса, и те уже почти седые. В этом году исполнится сорок пять. Только по шевелюре и виден возраст, он вообще начал лысеть рано, уже в тридцать лет его волосы заметно поредели. Если б не это – высокий стройный мальчик, под кожей ни грамма жира, даже мускулы как бы не накачаны. Впрочем, они действительно не были накачаны. У Сауляка были сильные сухие выносливые ноги бегуна, но руки и плечи были худыми и тонкими.

Из коридора донеслись шаги, в умывалку заглянул Костец, зарабатывающий себе досрочное освобождение участием в секции внутреннего порядка. Не поленился, поднялся среди ночи. Всем им Черенок поперек горла стоит, никто проглотить не может.

– Ты чего, заболел? – заботливо спросил Костец. – Может, Рыло позвать, чтоб врача привел?

Рылом обитатели зоны называли одного из дежурных помощников начальника колонии, сокращенно ДПНК, чья смена была как раз сегодня. Выходить из барака на улицу в неположенное время запрещалось, а даже если и выйдешь, то далеко не уйдешь, каждый барак огорожен, сеткой обнесен, а дверь в этой загородке на замок запирается. И без начальника отряда или ДПНК ты в эту дверь не пройдешь. Так что если понадобился врач, то без помощи ДПНК никак не обойтись.

Сауляк даже не повернулся, только молча смотрел на Костца, отражавшегося в зеркале. Зеркало было не только мутным, но и кривым, и крепенький плотненький Костец казался в нем длинным и тощим.

– Не надо, – наконец процедил он сквозь зубы.

– Ты бы лег, Черенок, – робко попросил Костец. – ДПНК как раз в это время бараки обходит.

– Заткнись, – сказал Сауляк спокойно и почти ласково.

Костец ретировался. Павел прислушался к себе – бок побаливал, но терпеть вполне можно. Лишь бы температура не поднялась. Был бы он на свободе, он бы, конечно, сделал все, что нужно. Подсолнечное масло с лимоном или бутылку подогретой минералки «Ессентуки-17» с ксилитом принять внутрь – и лечь в постель, положив под правый бок горячую грелку. Самый лучший способ профилактики, да и приступ еще можно предотвратить, если вовремя спохватиться.

Он вернулся и улегся на койку. Осталось всего шесть дней. А что потом?

* * *

– Осталось всего шесть дней, – говорил представительный человек в сером костюме, и в голосе его звенел металл. – А что потом? Ведь он все знает и может в любой момент рассказать.

– Он не из болтливых. По крайней мере за те два года, что он провел в колонии, информация никуда не прошла. Значит, он держит язык за зубами и не собирается пользоваться сведениями, которыми располагает. Почему вы боитесь, что, выйдя на свободу, он начнет болтать? Откуда у вас эта уверенность?

– Потому что я слишком хорошо представляю себе, что такое свобода и чем она отличается от тюрьмы. Находясь в зоне, на что он мог бы рассчитывать, разгласив известные ему секреты? Только на славу. Разглашенная тайна перестает иметь цену, а шантажировать кого бы то ни было из колонии практически невозможно. Оттуда не позвонишь, а почта досматривается. Зато на свободе он может продать свою осведомленность очень и очень дорого. Я надеюсь, ты понимаешь, чего я добиваюсь. Сауляк должен умереть раньше, чем он раскроет свою набитую секретами пасть. Ты понял меня? Он должен умереть так, чтобы никому не пришлось в голову искать за этим что-то пикантное. Самое милое дело – обоюдная пьяная драка где-нибудь на стройке или в поле. Бомжи перепились. Я точно знаю, этого Сауляка пасут, его ждут и за ним будут гоняться, чтобы узнать, что находится у него в голове. И не дай тебе Бог избавиться от него так, чтобы дать им повод кричать о том, что от него именно избавились.

– Хорошо, Григорий Валентинович, я все понял.

* * *

– Тридцать шесть инициативных групп выдвинули к сегодняшнему дню тридцать кандидатов, но кто из них согласится баллотироваться на президентских выборах – станет известно несколько позже, – говорила очаровательная черноволосая ведущая теленовостей.

На экране в это время стали появляться фотографии известных политиков, о которых шла речь. Вячеслав Егорович Соломатин нехорошо усмехнулся, глядя на знакомые лица. Вот они все где у него, подумал он, бросив взгляд на непроизвольно сжавшийся кулак. Все. До единого. Все они замараны, потому что нет среди них ни одного по-настоящему независимого человека. За каждым стоит криминальный капитал, потому что некриминальному, честно заработанному взяться неоткуда. Закон экономики. Честные деньги в большом количестве на одних руках – это песня далекого будущего, такого далекого, что нам не дожить.

Про этих, которые сейчас на экране, Володька Булатников много мог бы порассказать, да жаль, нет его, заткнули ему рот, побоялись. Но ничего, есть помощник его, Пашка Сауляк. Тот, конечно, поменьше знает, но тоже достаточно, чтобы этим президентам недоделанным шею свернуть. Есть только один Президент в этой стране, один раз народ его уже выбрал, и другого ему пока не нужно. И для того чтобы выбить из борьбы всех конкурентов, Соломатину нужен Паша Сауляк.

Вячеслав Егорович ни минуты не сомневался, что сумеет договориться с помощником покойного генерала Булатникова. Ведь любая договоренность – это в конечном итоге всего лишь вопрос денег и гарантий. Деньгами Соломатин располагал огромными и гарантии он мог бы дать любые.

Глава 2

3 февраля пришлось на субботу, и в восемь утра дорога от станции до колонии была абсолютно пустынной. Было уже светло, окрестности хорошо просматривались, и Настя подумала: наверное, даже лучше, что Сауляк освобождается в субботу. Если Колобок-Гордеев прав и за этим хулиганствующим агентом кто-то собирается охотиться, то по крайней мере субботним утром в поселке это будет не так-то просто сделать, оставшись незамеченным.

Дня два назад, приехав в Самару, она хотела было связаться с администрацией колонии и выяснить, в котором часу Сауляк выйдет за ворота. Но потом поразмыслила немного и передумала. Судя по словам генерала Минаева, Павлом Дмитриевичем начали интересоваться, и весьма активно. Следовательно, скорее всего действовали через администрацию колонии. А коль так, то незачем ей, майору милиции Анастасии Каменской, светиться лишний раз. Как знать, кто из сотрудников колонии подкуплен. Ведь по закону подлости, как раз на него и нарвешься.

Около половины девятого она подошла к зданию административного корпуса колонии и уселась на скамейку. Вход, откуда должен был появиться Сауляк, находился в пяти метрах от нее. Настя поставила рядом с собой легкую, но вместительную сумку, сунула руки в карманы и приготовилась к долгому ожиданию. Ноги у нее замерзли еще в электричке, и, сидя на скамейке, она вяло пыталась шевелить пальцами в сапогах, чтобы разогнать кровь и хоть немного согреться.

В девять пятнадцать к колонии подъехала серая «Волга». Водитель притормозил почти у самых ворот, но, повинувшись команде пассажира, оглянувшегося на Настю и недовольно скрипевшегося, снова тронулся и отъехал подальше, метров на пятьдесят в ту сторону, куда должен будет идти только что освободившийся бывший осужденный Сауляк.

«Первые подвалили, – с удовлетворением отметила Настя. – Интересно, они тоже заранее приехали, как и я, или им точно сообщили, когда Сауляк выйдет? Если сообщили, значит, у этих есть свои люди в зоне. Учтем».

Она не спеша поднялась со скамейки и подошла к самым воротам. Как бы там ни было, но она должна быть первой, кого увидит Сауляк. И самое главное, ее должны видеть те, кто тоже интересуется Павлом Дмитриевичем.

В девять двадцать пять с дороги, ведущей от станции, свернул и остановился метрах в двухстах от серой «Волги» молодой человек в куртке-пуховике и большой шапке из волчьего меха. Настя заметила, что пассажир и водитель «Волги» перекинулись несколькими словами, после чего автомобиль снова начал маневрировать, словно отыскивая наиболее удобное положение. Только непонятно, для чего именно это положение должно было быть удобным. Парень в волчьей шапке постоял минуты три, задумчиво глядя на выписываемые «Волгой» круги, и снова вернулся на тракт.

«Обложили со всех сторон, – подумала Настя. – Круто, ничего не скажешь. И против всей этой разношерстной банды – одна глупенькая маленькая я, даже без оружия и без служебного удостоверения. Ну, Сауляк, давай, выходи, я больше не могу стоять, я совсем ооченела».

В десять минут одиннадцатого Настя услышала металлический лязг по ту сторону ворот и поняла, что кто-то проходит последовательно все этапы заграждения. Так и есть, железная створка отъехала в сторону, и появился Павел Дмитриевич Сауляк собственной персоной. За последние шесть дней Настя столько раз смотрела на его фотографию, что узнала сразу. Высокий лоб с залысинами почти до темени, маленькие глазки, безбровое лицо с сильно запавшими щеками, тонкими губами и длинным носом с горбинкой. От взгляда на это лицо ей стало почему-то не по себе.

– Вам придется меня выслушать, – быстро сказала она, беря Сауляка под руку. – Серая «Волга» приехала по вашу душу, но я хочу попробовать вас защитить, хотя и не уверена, что у меня это получится. Давайте сядем на скамейку.

Сауляк молча повиновался. Настя вытащила из сумки термос с горячим кофе и два пластмассовых стакана.

– Хотите?

Сауляк отрицательно мотнул головой.

– Ну как хотите. А я выпью. Я очень замерзла, пока вас ждала. Так вот, Павел Дмитриевич, за вами идет охота. Я не знаю, кто и почему хочет вас достать, но моя задача – довезти вас до Москвы в целости и сохранности. Меня для этого наняли и мне за это заплатили. Я не знаю, что вы за птица и кому так приспичило вас заполучить, но свое задание я должна выполнить. Эта часть понятна?

Он кивнул.

– Слушайте, Павел Дмитриевич, вы разговаривать умеете? Или вы изображаете глухонемого?

– Я вас слушаю. Продолжайте, – наконец произнес он.

– Продолжаю. Я прошу вас сделать несколько вещей, причем не в виде большого одолжения лично мне, а потому что так действительно будет лучше. Во-первых, я прошу вас сразу мне ответить: хотите ли вы доехать до Москвы живым, или у вас на этот счет есть какие-то другие планы?

– Хотел бы, – скупно усмехнулся Сауляк.

– Тогда моя вторая просьба: верить мне и слушаться меня. У меня есть идея, как можно с минимальными потерями вас доставить на место, но я пока не буду вам рассказывать все детали моего замысла. Просто договоримся с вами так: один вы все равно не доедете, а с моей помощью у вас все-таки есть шанс, поэтому не мешайте мне этот шанс использовать. Договорились?

– Не уверен, но на некоторое время примем как аксиому.

– Хорошо, меня это устраивает, – легко согласилась Настя. – Пусть хотя бы на некоторое время, а там посмотрим. И наконец третье: давайте познакомимся по-человечески. Меня зовут Анастасия, можно просто Настя и в интересах нашего общего дела – на «ты». Руку не протягиваю, на нас слишком внимательно смотрит пассажир из «Волги», а мне бы не хотелось, чтобы он понял, что мы только что познакомились и о чем-то договорились.

– Можете называть меня Павлом. И налейте мне кофе.

– Я же просила обращаться ко мне на «ты», – укоризненно сказала Настя, протягивая ему стаканчик, наполненный темным дымящимся напитком.

– Со временем. Я должен привыкнуть. Господи, как вы пьете эту гадость!

Он с отвращением сделал несколько глотков и поморщился.

– Это хороший кофе, – заметила Настя. – Странно, что вам не нравится.

– Я терпеть не могу кофе, я никогда его не пью.

– Но вы же сами попросили...

– Это для пассажира из «Волги». Если он действительно приехал за мной.

– Думаю, да. Но мы это легко проверим. Сейчас мы с вами сядем в электричку и поедем в Самару. До завтра посидим в гостинице, а завтра утром полетим в Екатеринбург.

– Зачем? Вы же собираетесь доставить меня в Москву. Разве нет?

– Именно. Поэтому мы полетим в Екатеринбург. Вам пассажир хорошо виден?

– Да, вполне.

– А водитель?

– Тоже.

– Сможете их узнать в другой обстановке?

- Безусловно.
 - Тогда вперед, на станцию. И еще раз прошу вас: давайте переходить на «ты».
 - Не обещаю. Не вижу необходимости.
 - Ладно, – согласилась Настя. – Оставляем все как есть. Так даже лучше.
- Она сунула термос обратно в сумку, закинула на плечо длинный ремень и поднялась.

* * *

В вагоне Сауляк сразу занял место в углу, устроился поудобнее и закрыл глаза.

- Вы спите? – спросила Настя осторожно.
- Нет, – ответил Павел, не открывая глаз.
- Не хотите ни о чем меня спросить?
- Нет.
- А на мои вопросы отвечать будете?
- Нет.

«Ну и черт с тобой, – беззлобно подумала Настя. – Ты ведь ни капли не удивился, когда я заговорила с тобой. Ты сразу же, с первого же слова понял, о чем идет речь. Значит, все правда. Ты действительно много знаешь, и у тебя есть все основания бояться за свою жизнь. Интересно, как долго мне удастся морочить голову и тебе, и твоим преследователям?»

Она открыла сумку, достала термос и с большим удовольствием выпила еще один стаканчик кофе. Ей очень хотелось закурить, но выходить в тамбур и оставлять Павла одного она боялась. Достав сигарету и зажигалку, она неуверенно крутила их в пальцах, прикидывая, как лучше поступить. Похоже, никто из находящихся в вагоне людей опасности не представляет, но она, Настя, совсем не знает эту дорогу и не может рассчитать, когда будет следующая остановка. На остановке в вагон может войти кто угодно, не говоря уже о том, что сам Сауляк может сбежать.

- Пошли, – услышала она.

Сауляк сидел по-прежнему с закрытыми глазами, скрестив руки на груди и положив ногу на ногу.

- Куда?
- В тамбур. Вы же собрались курить и не знаете, что со мной делать.
- Спасибо, – ответила Настя, изо всех сил стараясь скрыть удивление.

Он встал и первым пошел к раздвижным дверям. В холодном тамбуре он прислонился к стенке, сунул руки в карманы и снова закрыл глаза. Насте казалось, что он спит стоя.

- А вы не курите? – спросила она, с наслаждением делая глубокие затяжки.
- Нет.
- И никогда не курили?
- Нет.

– Послушайте, Павел, неужели вам совсем не интересно, как именно я собираюсь действовать, чтобы все-таки довезти вас до Москвы?

- Нет.
- Но вы по крайней мере обещаете, что будете меня слушаться?
- Да. По крайней мере.

Остаток пути до Самары они проехали молча. Сауляк по-прежнему сидел с закрытыми глазами, а Настя смотрела в окно и думала. Люди из серой «Волги» ее видели, это хорошо, теперь они понимают, что она наверняка запомнила и их самих, и номер автомобиля. Значит, что бы они ни задумывали в отношении Павла, они должны понимать, что она – опасный свидетель и ее надо убирать. Но прежде чем ее убирать, нужно по меньшей мере понять, кто она такая. А то вдруг окажется, что из-за нее всю милицию страны на ноги поставят. Вот это, соб-

ственно, и было то зерно, из которого Настя Каменская взрастила свой замысел. Сауляк в безопасности до тех пор, пока охотящиеся за ним люди не поймут, кто такая эта женщина, которая находится рядом с ним, и что вообще происходит.

От вокзала до гостиницы они пошли пешком, хотя Настя от холода уже ног не чувала.

– Вы не забыли, что у меня нет паспорта? – подал наконец голос Сауляк, когда до входа в гостиницу оставалось несколько шагов.

– Не забыла.

Они вошли в уютный, уставленный кадками с цветами и пальмами холл и поднялись по лестнице на третий этаж. Дежурная вскинула голову и, увидев Настю, приветливо улыбнулась.

– Дождались? Проходите, проходите, – она сунула руку в ящик стола и достала ключ от номера. – Замерзли, наверное?

– Очень, – призналась Настя.

– Я самовар включу. Пока вы будете раздеваться, он как раз согреется, – захлопотала дежурная.

– Спасибо, – поблагодарила Настя и пошла вперед по коридору к своему номеру.

У нее был хороший двухкомнатный полулюкс с холодильником и телевизором. В большой комнате, претендовавшей на название «гостиная», стоял гарнитур мягкой мебели с диваном и двумя глубокими креслами. Маленькая комната была спальней, в ней не было ничего, кроме двух кроватей, двух тумбочек и встроенного шкафа с большим зеркалом, укрепленным на внутренней стороне дверцы.

– Что сначала – ванна или еда? – спросила она, снимая куртку и сапоги.

– Ванна, но мне не во что переодеться.

– Нет проблем.

Она подошла к телефону и позвонила дежурной. Через минуту та внесла в номер горячий самовар.

– Вот, только что закипел, – сообщила она. – Попейте горяченького, чтоб согреться.

– Елизавета Максимовна, Павлу нужна одежда. Это можно устроить?

– Конечно, – кивнула дежурная. – Давайте список, здесь рядом есть магазин, в нем все можно купить.

Настя быстро написала на листке из блокнота перечень самого необходимого и протянула Елизавете Максимовне вместе с деньгами. Та бросила на Павла любопытствующий взгляд, но Сауляк стоял в сторонке и молчал, словно речь вообще шла не о нем и одежда нужна была не ему.

Когда за дежурной закрылась дверь, он молча пересек комнату и скрылся в ванной. Настя услышала, как полилась вода, и все ждала, когда же щелкнет задвижка на внутренней стороне двери. Но так и не дождалась. Через некоторое время воду выключили, и Настя поняла, что Сауляк лег в ванну. Она осторожно подошла к двери и постучала.

– Павел, у вас все в порядке?

– Да, – послышалось в ответ.

– Вы закрылись?

– Нет.

– Почему?

– Потому. Вы же не войдете сюда.

– Не войду, – подтвердила она. – А впрочем, не знаю. Может быть, и войду. Вас это не пугает?

– Нет. Ничего нового или неожиданного вы здесь не увидите.

– Это верно, – усмехнулась Настя. – Все мужики устроены одинаково. Впрочем, все бабы – тоже. Знаете, Павел, я в детстве очень много болела, меня беспрестанно водили по врачам, и я совершенно перестала стесняться раздеваться перед незнакомыми мужчинами, потому что

очень рано поняла, что ничего нового ни один мужчина во мне не увидит. Кстати, я не успела вам сказать, там, на полочке, два флакона, они с виду совершенно одинаковые, но в одном шампунь, а в другом – бальзам, не перепутайте.

– Я умею читать.

– Там написано не по-русски.

– Ничего, я прочту.

– Счастливый. А я ни одного языка иностранного не знаю. Выпить хотите?

– Нет.

– Ну как хотите.

Настя вернулась в комнату, сделала себе чашку кофе, налив воду из горячего самовара, и забралась с ногами на диван. Трудно с ним, с этим Сауляком, замкнутый, неразговорчивый, нелюбопытный. Это хуже всего. Вся комбинация построена на том, что у самого Сауляка и у его преследователей присутствует нормально развитое чувство интереса к непонятному и неизвестному. А Сауляк, похоже, совсем не такой.

Ладно, можно немного расслабиться. Пока Елизавета не принесет одежду, он из ванны не вылезет. Настя вытянулась на диване, поставив себе на грудь пепельницу и взяв сигарету. Великая сила – деньги! Сунула администратору сто долларов – получила двухкомнатный номер. Еще одна бумажка перекочевала в руки Елизаветы – и та с готовностью согласилась с тем, что у Насти в номере поживет ее знакомый без всякого оформления. Пожалуй, генералу Минаеву этот Сауляк влетит в копеечку. То ли еще будет... Траты-то предстоят немалые.

Она взглянула на часы – половина первого. Пора звонить Короткову. Он должен сидеть в своем номере безвылазно и ждать ее звонка.

– Ну как ты? – обеспокоенно спросил Юра.

– Пока ничего. Встретила и привезла.

– Кто-нибудь им интересовался?

– Еще как. И, по-моему, даже двое. Парочка на машине и еще один любопытствующий пешком пришел. Провожали нас до самой гостиницы.

– Где он сейчас?

– В ванной. Отмокает.

– Что за тип?

– Сложный. Боюсь, не справлюсь я с ним.

– Но он понял, кто ты такая?

– Надеюсь, что нет. Самое странное, что он не проявляет к этому ни малейшего интереса.

Похоже, ему все равно.

– Так не бывает.

– Сама знаю. Ладно, встречаемся в ресторане в два часа. Посмотришь на него.

Елизавета Максимовна принесла объемистый пакет с заказанной одеждой.

– Вот, все как вы просили, – сказала она. – И сдача.

– Не нужно, – улыбнулась Настя. – Оставьте себе.

– Спасибо, – сверкнула золотыми зубами дежурная, торопливо пряча деньги в карман. –

Может, еще что-нибудь нужно?

– Пока нет.

Закрыв за ней дверь, Настя постучалась в ванную.

– Павел, принесли одежду. Я поставлю пакет возле ванной.

– Хорошо, – донеслось в ответ.

Она поставила пакет на пол и ушла в спальню. Ей тоже нужно переодеться. Настя открыла свою дорожную сумку, достала косметичку, туфли и красивый пушистый свитер, сняла с вешалки в шкафу строгие черные брюки и невольно скривилась. Лучше всего она чувствовала себя в джинсах и кроссовках, но дело есть дело, ничего не поделаешь. Она натянула брюки и

свитер, сунула ноги в узкие модные туфли и занялась лицом. По доносящимся из гостиной звукам она поняла, что Павел наконец вышел из ванной. Интересно, преследователи уже добрались до Елизаветы или еще нет? Наверное, добрались, и теперь с недоумением пережевывают вытянутую из нее информацию: Павла встречает сумасшедшая миллионерша. Ничего, пусть пожуют, челюсти крепче будут.

Настя с удовлетворением оглядела себя в зеркале. Сейчас она лишь отдаленно напоминала ту замерзшую женщину с покрасневшим от мороза носом, которая ждала Павла у ворот колонии. Лицо от тепла и умело наложенных румян стало нежно-розовым, подведенные глаза – большими и выразительными. Она поправила волосы и решительно вышла из спальни.

– Как одежда? – спросила она. – Все подошло?

Сауляк тоже выглядел лучше. После ванны он стал словно свежее, новые брюки отлично сидели на узких бедрах. Он стоял у окна спиной к Насте и даже не обернулся на ее голос.

– Да, спасибо.

– Через полчаса мы с вами пойдем обедать. Вы голодны?

– Нет.

– А я ужасно хочу есть. У вас по-прежнему нет ко мне вопросов?

– Нет.

– Зато у меня есть вопросы к вам. И мне придется вам их задавать, даже если вы не захотите отвечать на них.

– Пробуйте.

Он по-прежнему стоял спиной к ней, но Насте показалось, что в его голосе мелькнула насмешка.

– Павел, я хочу, чтобы вы понимали меня правильно. Эти вопросы я задаю не из праздного любопытства. Меня наняли для выполнения определенной работы, и меня не очень-то интересует подоплека всей этой ситуации, мое дело – выполнить задание и получить деньги. Но для того чтобы это задание выполнить, я должна кое-что знать. У вас в зоне были враги?

– Это не имеет значения, – спокойно ответил тот.

– Нет, имеет. И я прошу вас ответить.

– Хорошо. У меня не было врагов.

– Так не бывает. Вы говорите мне неправду, и я хотела бы понять, зачем вы это делаете.

Он повернулся к ней лицом, но глаза его были устремлены куда-то поверх ее головы.

– Так что вы хотите выяснить в конечном итоге? Были ли у меня враги в зоне или зачем я говорю неправду?

– И то, и другое. Я слишком хорошо знаю зону. И я знаю, что у осужденного не может не быть врагов.

– Откуда такая уверенность? Приходилось бывать?

– Приходилось. Поймите, Павел, ваша ложь мешает мне.

– И за что вы сидели, можно узнать?

– Можно. За мошенничество. Что, меня это не украшает? Хотите сказать, что настоящий мошенник не должен попадаться, на то он и мошенник?

– Я этого не говорил. Вы передергиваете.

– Хорошо, – вздохнула Настя. – Сойдемся на том, что я допустила ошибку. Но это было давно. Вы хотя бы приблизительно представляете себе, кто может за вами охотиться?

– Нет.

– Вы опять лжете, Павел.

– Конечно. Послушайте, ваша задача – довезти меня до Москвы, вот и везите меня. И ради Бога, не лезьте ко мне.

Он снова отвернулся и уставился в окно. Настю охватила злость, но она постаралась взять себя в руки. Села в кресло, закурила. Тронула ладонью самовар и с сожалением поняла, что вода уже остыла, а она с таким удовольствием выпила бы сейчас еще одну чашечку кофе.

* * *

Настя хорошо помнила и эту гостиницу, и этот ресторан, она бывала здесь несколько раз в середине восьмидесятых, когда Самара еще называлась Куйбышевом. За десять лет все здесь стало по-другому, у гостиницы появился хозяин, и в номерах стало чище и уютнее, а ресторан стал похож действительно на ресторан, а не на привокзальную забегаловку, как было раньше. Разумеется, с метрдотелем и официанткой Настя познакомилась еще позавчера, и за два дня, в течение которых она приходила сюда на завтрак, обед и ужин, она сумела создать себе соответствующую репутацию. Сумасшедшая миллионерша.

Едва они толкнули стеклянную дверь и ступили в обеденный зал, как мэтр – низенький, но исполненный достоинства Герман Валерьянович – буквально кинулся к ним.

– Добрый день, добрый день, – приговаривал он, семена коротенькими ножками и ведя их к самому лучшему столику, – ваш столик вас ждет, все как вы просили.

Он подвинул Насте стул, подождал, пока они усядутся. На столе, кроме приборов, стояла ваза с огромным букетом розовых гвоздик. Больше ни на одном столе во всем ресторане цветов не было.

– Вы любите гвоздики? – спросила она Павла.

– Нет.

– Я тоже. Терпеть их не могу. Особенно розовые.

– Попросите, чтобы их убрали.

– Ни за что. Я специально просила вчера, чтобы на мой столик поставили розовые гвоздики.

– Зачем?

Настя с удовлетворением отметила, что в его голосе мелькнуло плохо скрытое изумление. Ну вот, не такой уж ты непробиваемый, Павел Дмитриевич Сауляк. Непохожий на других, это верно, особенный, даже, наверное, неповторимый в чем-то, но и тебя можно достать и расшевелить.

– Затем. Присутствие негативного раздражителя помогает держаться в форме. Что вы сидите сложа руки? Смотрите меню, выбирайте блюда.

– Я не голоден.

– Вы опять лжете? Как же вы можете быть не голодны?

– Повторяю вам...

– Хорошо, хорошо, – торопливо перебила его Настя. – Вы не голодны, я поняла. Мне не нужно повторять по три раза. Но, поскольку мы с вами договорились, что вы будете меня слушаться, я прошу вас что-нибудь заказать.

– Мне все равно, заказывайте сами.

– Что вы пьете?

– Ничего.

– Совсем ничего?

– Совсем.

– Хорошо, значит, кампари.

Она специально выбрала этот столик два дня назад. С ее места прекрасно просматривался весь зал и обе двери – в холл и в служебные помещения. Ровно в два часа появился Юра Коротков и сел там же, где сидел вчера и позавчера. Все это было частью спектакля. Коротков

внимательно оглядел зал, нашел глазами Настю, привстал со своего места и поклонился ей. Настя демонстративно фыркнула и передернула плечами.

Официантка принесла закуски и бутылку кампари.

– Ешьте, – сказала Настя. – Следующее кормление будет не скоро. Попробуйте, это вкусно.

Сауляк лениво отрезал кусочек говяжьего языка и неторопливо отправил в рот. Лицо его было бесстрастным, и было вовсе не похоже, что он изо всех сил борется с голодом, не желая есть оплаченную незнакомой женщиной еду. Такое впечатление, что он действительно не хочет есть.

К их столику снова подлетел приткий Герман Валерьянович, на этот раз у него в руках была бутылка шампанского «Ив Роше».

– Ваш поклонник уже пришел, – сообщил он, заговорщически улыбаясь. – И просил вас передать это шампанское.

– Да что ж он никак не уймется! – с досадой сказала Настя громко и отчетливо, так, чтобы слышно было на весь ресторан.

Сауляк сидел неподвижно, даже головы не повернул в ту сторону, куда смотрела Настя. Она встала и, взяв бутылку за горлышко, медленно отправилась через весь зал к столику, за которым сидел Коротков. В ресторане в это время было человек тридцать, и все они, как один, следили глазами за высокой худощавой женщиной в черных брюках и голубом пушистом свитере, которая плавно двигалась между столиками, неся в руках бутылку французского шампанского.

Подойдя к Короткову, Настя со всего размаху поставила бутылку на стол, так что посуда задребезжала.

– Я не пью шампанское, – громко сказала она. – И не присылайте мне его больше. Вам понятно?

– А что вы пьете? – так же громко спросил Коротков, не вставая с места. – Я бы хотел хоть чем-нибудь доставить вам удовольствие.

– Если хотите, можете меня поцеловать, прямо здесь и сейчас, но только один раз и с условием, что вы больше не будете мне надоедать.

– Ну и стерва же ты, – шепотом произнес Коротков, растягивая губы в улыбке.

Настя поняла, что он имел в виду. Он был немного ниже ее ростом, но туфли на каблучках сделали разницу между ними весьма существенной. Она усмехнулась, понимая, что на них смотрит весь ресторан, наклонилась, сняла туфли и сразу стала заметно ниже, почти сравнявшись с Коротковым, который был обут в зимние ботинки на толстой подошве. Юра шагнул к ней, обнял, положив одну руку на ее спину, а другую – на затылок. Его лицо медленно приближалось, и Насте захотелось зажмуриться и отступить. Но отступать было некуда. Губы его были твердыми и прохладными, и, несмотря на всю нелепую двусмысленность (или двусмысленную нелепость?) ситуации, она не могла не признать, что целуется Юрка хорошо. Боже мой, они были знакомы восемь лет, они работали в одном отделе, Коротков неоднократно бывал в гостях у Насти и Алексея, выплакивал на ее плече свои обиды по поводу любовных неудач. И вот теперь за много километров от Москвы в ресторане провинциальной гостиницы они целуются на глазах у изумленной публики только лишь потому, что кто-то охотится за освободившимся из мест лишения свободы Павлом Сауляком. Чудны дела твои, милицейская жизнь!

Коротков оторвался от ее губ, галантно поцеловал ее руку и спокойно сел на место. Настя не торопясь надела туфли на семисантиметровых каблучках, обворожительно улыбнулась и двинулась в обратный путь к своему столику.

Сауляк сидел неподвижно, вертя в руках маленькую вилку для десерта и не сводя с нее глаз. Настя кинула взгляд на его тарелку и отметила, что он почти ничего не съел, кроме того единственного кусочка языка.

– Послушайте, Павел, я понимаю, что у вас могут быть свои принципы и соображения, но вы должны поесть. В конце концов, то, что нам с вами предстоит, не является прогулкой по дачному участку, и совершенно неизвестно, где и когда мы с вами сможем поесть в следующий раз. Меньше всего мне хотелось бы, чтобы у нас с вами возникли проблемы из-за ваших неумных прихотей и выходов.

– Значит, вы уверены, что из-за ваших выходов у нас проблем не будет? – спросил он, не отрывая взгляда от серебряной блестящей вилочки.

Ух ты! Заметил, значит. А сидел как каменное изваяние, даже головы не повернул, когда она объяснялась с Коротковым.

– Из-за моих выходов проблемы будут лично у меня, вам понятно? К вам это никакого отношения не имеет. А вот если у вас начнутся проблемы со здоровьем, то я на своих плечах вас не вытяну. Между прочим, этот человек тоже вами интересуется, хотя изо всех сил делает вид, что интересуется исключительно мной. А я делаю вид, что верю ему. Так, может быть, вы все-таки соизволите отступить от своих принципов и разъяснить мне хотя бы в самых общих чертах, кто это так усердно пытается вас достать?

Сауляк поднял на нее глаза, и Настю внезапно окатила жаркая волна. Ей не хотелось шевелиться, ноги и руки словно налились свинцом, веки стали опускаться. В эту секунду ей стало совершенно все равно, ответит ли ей Сауляк, и если ответит, то что именно. Ей стало безразлично, сумеет ли она выполнить задание и довезти его до Москвы, до генерала Минаева. Больше всего на свете ей сейчас хотелось спать...

Она собрала все силы и стряхнула с себя оцепенение. Ей даже показалось, что все это ей привиделось. Сауляк сидел напротив нее, крутя в пальцах серебряную вилочку, и глаза его по-прежнему были прикованы к блестящему кусочку металла.

– Пойдемте отсюда, – резко сказала она, поднимаясь.

Вытащив из вазы розовые гвоздики, она подошла к столу Короткова и швырнула цветы ему в лицо. Идя к выходу, она снова чувствовала на себе взгляды, одни – насмешливые, другие – осуждающие, третьи – восхищенные. Но она точно знала, что по меньшей мере одна пара глаз смотрит ей в спину с настороженным недоумением.

* * *

– Кто она такая? Откуда взялась? – нервно выкрикивал Григорий Валентинович Чинцов. – Вы хоть что-нибудь сумели о ней узнать?

– Очень многое, Григорий Валентинович, – докладывал помощник Чинцова, – но сведения такие противоречивые, что трудно понять, каким из них можно верить, а каким – нет. Ее фамилия – Сауляк, Анастасия Павловна Сауляк. Вероятно, это его жена или родственница. Паспортные данные я взял у администратора гостиницы в Самаре, но проверить еще не успел. Те, кто наблюдает ее в Самаре, утверждают, что у нее очень много денег и она ими разбрасывается не считая. По-видимому, с Сауляком у нее был какой-то конфликт, потому что они не кинулись друг к другу, когда он вышел из зоны. Она явно в чем-то оправдывалась, а он ее снисходительно слушал. Похоже, он не ждал, что она будет его встречать. Особа крайне неуравновешенная и экзальтированная, способная на эксцентричные выходки. В общем, женщина с очень нестандартным поведением. И я думаю...

– Ну-ну, – подбодрил помощника Чинцов, – выкладывай, какие у тебя есть идеи.

– Я думаю, что она может быть одной из тех...

– Да?

Чинцов нахмурился, задумчиво потер пальцем переносицу, потом налил в стакан из толстого стекла минеральной воды и сделал несколько больших глотков.

– А почему тебе пришла в голову такая мысль?

– Поведение какое-то необычное. И потом, если они родственники, то это тем более возможно. Вы же знаете, это передается на генетическом уровне. И я подумал, Григорий Валентинович, что если эта женщина ничего не знает, то ее можно было бы использовать. Булатников в свое время использовал Павла, а мы используем ее. Надо только выяснить, как много она знает и не опасно ли оставлять ее в живых.

– Ты не о том думаешь, – сердито откликнулся Чинцов. – Надо в первую очередь думать о том, не опасно ли от нее избавляться. Ты как ребенок, которого поманили конфеткой, и он уже забыл о том, что нужно делать уроки. Наша задача сегодня – заставить Павла замолчать навсегда. А эта красотка путается у нас под ногами, она засекла машину, и хотя номера на ней были съемные, но рожи-то у наших людей в этой машине были настоящие. Поэтому пренебрегать ею как свидетелем мы с тобой не можем. Мы должны решить, можно ли ее убирать вместе с Павлом или надо ждать, пока они наконец расстанутся. А ты вместо этого начал вынашивать какие-то дурацкие замыслы, как бы ее использовать. Не надо нам ее использовать, пойми ты это наконец своими куриными мозгами. Нам нужно Павла заткнуть. И все.

– Хорошо, Григорий Валентинович.

* * *

До ужина они просидели в номере, не обменявшись ни словом. Настя лежала на диване в гостиной, уставившись в потолок, а Павел ушел в спальню, и чем он там занимался, Настя не знала. В семь часов она поднялась с дивана и без стука вошла в спальню. Сауляк стоял возле окна и внимательно наблюдал за улицей, хотя уже стемнело. Интересно, что он там может видеть?

– Надо идти в ресторан, – холодно сказала Настя. – Пора ужинать.

– Вы удивительно прожорливы, – усмехнулся Павел.

– Вы что же, по-прежнему отказываетесь от еды?

– Я не голоден.

– Не морочьте мне голову, – устало откликнулась она. – Хотите строить из себя супермена, который может неделями обходиться без еды и питья – ради Бога, только не в ущерб тому делу, которое мы с вами вместе должны сделать. Дайте мне спокойно довезти вас до Москвы – и можете голодать хоть до второго пришествия.

– Кстати, о нашем общем деле. Как вы собираетесь посадить меня на самолет без паспорта?

– Со справкой полетите. Вам же дали справку об освобождении.

– Но лететь по справке – это все равно что плакат на грудь повесить: «Я – Сауляк». Вы же хотите довезти меня в целости и сохранности, или я что-то не так понимаю?

– Не ваше дело, чего я хочу, – грубо ответила Настя. – Полетите по справке. Мне надоели ваши выкрутасы, мне платят, в конце концов, за работу, которую я выполняю, а не за то, чтобы я терпела ваш характер. Между прочим, чтобы вас вытащить отсюда живым и невредимым, мне пришлось отказаться от роли, о которой я давно мечтала. Но вы, по-моему, не стоите такой жертвы.

– Вы отказались от роли? Вы актриса?

– Представьте себе. Мало того, что уголовница, так еще и актриса. Впрочем, актрисой я стала раньше, чем загремела на нары.

– Я думал, вы частный детектив или что-то в этом роде.

– Надо же, оказывается, голодание благотворно сказывается на умственной деятельности. Вы еще о чем-то думаете. А я, черт вас возьми, Павел Сауляк, думаю только о том, как бы замылить глаза вашим преследователям и не дать им поднять на вас руку. И было бы очень

неплохо, если бы вы тоже думали именно об этом, а не о моей печальной биографии. Кстати, имейте в виду, что по документам я ношу вашу фамилию.

– Зачем? Для чего это нужно?

– А вы подумайте. Раз вы такой принципиальный и не хотите есть, так хоть подумайте. Ладно, выйдите из спальни, мне нужно переодеться.

Павел вышел. Настя быстро стянула брюки и свитер, достала из шкафа колготки, мини-юбку и трикотажную майку с глубоким вырезом. Вид у нее в этом наряде был дешево-потаскушечный, но с этим придется смириться. Она достала косметичку и добавила яркости спокойному дневному макияжу.

Сауляк ничего не сказал по поводу ее внешнего вида, и Настя оценила его сдержанность. Она была сама себе противна. Герман Валерьянович был тут как тут, только они переступили порог ресторана. Вечером публика здесь была другая. Наряду с обитателями гостиницы, спустившимися просто поужинать, можно было увидеть и «крутых», и «деловых», и местных проституток – полный ресторанный набор среднего пошиба. В зале стоял ровный гул, но Настя знала, что в восемь часов начнут работать музыканты, и тогда от шума и грохота будет уже не спастись. Но ей придется это выдержать, как приходилось выдерживать два дня перед этим.

Она взяла у официантки меню и не открывая протянула Павлу.

– Сделайте заказ, будьте любезны.

– Но я не знаю ваших вкусов, – возразил он, пытаясь вернуть ей меню.

– А я не знаю ваших. Не спорьте, пожалуйста. Мне казалось, мы с вами договорились.

Официантка стояла рядом, держа наготове карандаш и блокнот, и Настя злорадно подумала, что в ее присутствии Сауляк выпендриваться не будет. Какой бы ни был у него неуступчивый и тяжелый характер, но раз он был агентом генерала-комитетчика, то должен четко представлять себе ту черту, до которой еще можно любоваться собственной сложностью и неординарностью, а после которой – уже нельзя, иначе получится во вред делу. Присутствие постороннего человека – официантки – и было этой чертой. Павел сделал заказ, почти не раздумывая, закрыл меню и отдал его официантке.

– Теперь не обессудьте, если что не так, – произнес он, когда девушка отошла. – Вам придется есть то, что принесут.

– Съем, – Настя пожала плечами. – В отличие от вас я всеядна и неприхотлива. Просто удивительно, что за два года в зоне вы сохранили равнодушие к еде. Ну-ка посмотрите, где там мой Ромео? Не пришел еще?

– Нет, – ответил Сауляк сразу же.

«Попался, – подумала Настя. – Ты бы хоть ради приличия зал оглядел. Теперь понятно, что ты искал глазами Короткова с той самой секунды, как мы только вошли в ресторан».

На этот раз Сауляк съел все, что было заказано, но делал он это с таким видом, словно отбывал каторгу. Или он действительно не испытывал голода, или притворялся, но зачем нужна эта игра, Настя не могла понять.

Ровно в восемь часов на эстраду вышли музыканты. Певица, одетая в какое-то немислимое платье черного цвета с металлическими заклепками, поднесла к губам микрофон и начала петь на русском языке известную французскую песню. Голосок у певицы был хиленький, и владела она им плоховато, но популярность мелодии сделала свое дело, и на пяточке перед эстрадой сразу же начали переминаясь с ноги на ногу танцующие пары. Настя задумчиво курила, глядя на них, и вполголоса напевала ту же самую песню, только на языке оригинала.

– Вы же говорили, что не знаете ни одного иностранного языка, – не удержался Сауляк.

«Второй раз попался, – сосчитала Настя. – Прогресс налицо».

– Я сказала неправду, – ответила она, безмятежно улыбаясь и глядя в лицо Павлу. Ей хотелось поймать его глаза, но они все время куда-то ускользали.

– Зачем же? Какой смысл в этой лжи?

– Меня это развлекает. А вы имеете что-нибудь против?

– А все остальное – тоже ложь? И срок за мошенничество, и новая роль?

– А вот этого я вам не скажу. Во всяком случае, пока. Судя по всему, вы еще не научились отличать правду от лжи.

– А вы? Научились?

– Давно, – рассмеялась Настя. – Если вам интересно, я как-нибудь расскажу вам, как это делается. А сейчас я попрошу вас пойти со мной танцевать.

– Я не танцую, – быстро ответил Сауляк.

– А меня это не интересует. Это вы можете рассказывать девушке, которая вам не нравится, но хочет, чтобы вы с ней потанцевали. А когда я прошу, вы должны вставать и идти со мной. Более того, я попрошу вас быть ласковым со мной до такой степени, чтобы это бросалось в глаза окружающим. Вам понятно?

– Это исключено. И не просите.

– Вы что-то путаете, Павел Дмитриевич, – сказала она ледяным тоном. – Опасность угрожает вам, а не мне. И слушаться должны вы меня, а никак не наоборот. Я вам скажу, что мы с вами сейчас будем делать. Мы будем танцевать, потом вы обнимете меня и поцелуете, а я дам вам за это по морде, после чего мы спокойно вернемся за столик, возле столика вы поцелуете меня еще раз, чтобы все видели. И только потом мы сядем. Вы все запомнили?

– Я не буду этого делать, – глухо сказал Сауляк, откинулся на спинку стула, скрестил на груди руки и закрыл глаза.

– Вы будете это делать, потому что так нужно. И если вы не понимаете, зачем это нужно, мне придется вам объяснять, хотя это не очень-то прилично – объяснять такие примитивные вещи человеку с вашей биографией и вашим опытом.

– Что вы хотите сказать? – спросил он, не открывая глаз. – О каком опыте вы говорите?

– Об опыте работы с Булатниковым.

– Я не намерен это обсуждать. Тем более с вами.

– Прекрасно. Я тоже не хотела бы затрагивать эту тему, но вы меня вынудили. Поэтому как только закончится перерыв, мы с вами пойдем танцевать и разыгрывать спектакль.

– Я не буду вас целовать.

«Отлично. Значит, танцевать ты уже согласен. Еще один шаг на пути прогресса».

– Вам придется.

– Нет.

Настя протянула руку и ласково погладила его пальцы. Веки его дрогнули, но глаза остались закрытыми.

– Пашенька, – сказала она тихим и необычно мягким голосом. – Пожалуйста, милый, сделай это. Ради меня. Я очень тебя прошу.

Веки приподнялись, между редкими ресницами мелькнули ослепительные полосы белков, щеки, казалось, ввалились еще глубже, но губы чуть заметно шевельнулись в слабом подобии улыбки.

– Хорошо. Пойдемте.

Музыканты заиграли новую песню, перед эстрадой уже толпилось довольно много народу, и танцевать можно было только тесно прижимаясь друг к другу. Настя закинула руки на плечи Павлу, тогда как он довольно грубо положил ладони на ее ягодицы, обтянутые короткой юбкой.

– Э, полегче, – тихонько попросила она. – Это уже слишком серьезно.

– А я не шучу. Вы сами этого хотели.

– Я хотела вовсе не этого, вы прекрасно это понимаете. Должны понимать.

– Посмотри на меня, – потребовал он, и Настя с каким-то неприятным чувством отметила, что он наконец обратился к ней на «ты».

Она подняла голову и наткнулась глазами на его взгляд.

– Ты хотела этого, – тихо и медленно говорил Павел, крепче и крепче сжимая ее ягодицы. – Ведь ты же хотела именно этого, не так ли? Ты хотела этого с того самого момента, когда целовалась со своим поклонником днем в этом ресторане. Ты целовалась с ним, а хотела, чтобы на его месте был я. Ты и сейчас этого хочешь. Ну, признайся же, признайся, и тебе сразу станет легче. Скажи, что ты хочешь меня.

Она впала в оцепенение, подобное тому, которое охватило ее за обедом. Руки вмиг стали горячими и какими-то слабыми, ей казалось, что она даже шариковую ручку в пальцах не удержит. Слова уже бились в горле, рвались на язык, и она была уверена, что произнесет сейчас: «Да, я хочу тебя», и ей сразу станет легче, и все будет хорошо, ну просто отлично. Его тихий монотонный голос завораживал, увлекал ее в какую-то темную страшную пучину безволия, его холодные пальцы уже сжимали ее бедра под юбкой...

Она сделала последнее усилие, вырвалась из его рук и залепила ему пощечину. Никто не обратил на них внимания, музыка звучала оглушающе громко, пары были заняты самими собой. Павел легко перехватил ее руку и сжал кисть с такой силой, что у нее выступили слезы. Он сделал еще одно легкое, почти незаметное движение, нажав на болевую точку, и Настя опустилась на колени, не удержав равновесия. Теперь уже внимание к ним было привлечено, танцующие расступились, в дверях показались головы вышибал, готовых по первому знаку кинуться наводить порядок. Павел подал ей руку и помог встать. Они дошли до своего столика, провожаемые удивленными взглядами, и молча уселись. Краем глаза Настя заметила Короткова. Она подняла руку, подзывая официантку.

– Позови Германа, – бросила она, не глядя на девушку.

Через несколько минут к ним подбежал услужливый метрдотель. Настя открыла сумочку и вынула из нее три купюры по пятьдесят тысяч.

– Пошлите кого-нибудь, пусть купят цветы. Розовые гвоздики для меня и желтые – вон на тот столик, где мой поклонник сидит. И побыстрее.

Герман схватил деньги и умчался.

– Я вас не понимаю, – произнес Сауляк.

«Ну вот, наконец-то, – с облегчением подумала Настя. – Наконец-то ты заговорил со мной первым, а не просто отвечаешь на мои назойливые вопросы. Наконец-то ты чего-то не понимаешь. Дело сдвинулось, но видит Бог, это стоило мне... И синяк теперь на руке будет».

– Чего вы не понимаете? – устало спросила она, машинально поглаживая болезненно ноющее место на запястье.

– Зачем вы покупаете цветы, которые вам не нравятся?

– Затем, что я никогда не покупаю цветы, которые мне нравятся. Цветы, которые мне нравятся, мне дарят люди, которые хотят сделать мне что-нибудь приятное.

– Это не ответ.

– Другого не будет.

– А желтые гвоздики вам нравятся?

– Нет. Я вообще гвоздики не люблю, никакие.

– Значит, они нравятся вашему Ромео?

– Откуда я знаю, что ему нравится, – она равнодушно передернула плечами.

– Тогда зачем...

– Не знаю, – оборвала она Павла. – Низачем. Я же не спрашиваю, зачем вы это сделали там, возле эстрады. Сделали, потому что захотели или посчитали нужным сделать, вот и весь ответ. И я не считаю себя вправе требовать от вас отчета, почему это вы решили поступить так или иначе. Решили – значит, решили. Как решили – так и поступили.

– Вы весьма демократичная особа, должен вам заметить.

– Увы, нет. Я анархистка, сторонница абсолютной свободы. Главным образом я имею в виду свободу принятия решения. Поэтому не пристаю к вам с вопросами и не собираюсь отчитываться перед вами по поводу цветов. Если вы наелись, мы можем возвращаться в номер.

– А как же цветы? Их ведь еще не принесли.

– Принесут в номер.

Настя расплатилась по счету, и они снова поднялись на третий этаж. За стодолларовую бумажку Елизавета Максимовна записала в журнал, что в полулюксе живут двое, и новая дежурная, сидящая на посту на третьем этаже, ничего у Насти не спросила, только проводила ее недоброжелательным взглядом.

– Вы будете спать в спальне, – сказала она Павлу не терпящим возражений тоном.

Он ничего не ответил, только молча кивнул. Настя быстро прошла в спальню, взяла свою одежду и скрылась в ванной, чтобы переодеться. Она с остервенением намыливала лицо, смывая слишком яркую косметику, потом встала под душ. После горячего душа она снова влезла в свои любимые джинсы, натянула майку и свитер и почувствовала себя гораздо лучше.

Войдя в комнату, она сразу увидела огромный букет, валяющийся на журнальном столике. Павел сидел в кресле, и Настя ничуть не удивилась, что он снова сидит с закрытыми глазами, скрестив руки на груди и закинув ногу на ногу. Похоже, это была его любимая поза, и только так он чувствовал себя комфортно и удобно.

– Давайте ложиться спать, – сказала она. – Вы, наверное, устали.

– Нет.

– А я устала. И хочу лечь.

Сауляк поднялся и не говоря ни слова вышел в спальню. Настя пошла следом за ним, сняла постельное белье с одной из кроватей и, вернувшись в гостиную, постелила себе на диване. Погасив свет, она сняла обувь и свитер и нырнула под одеяло, оставшись в джинсах и майке. Мало ли как жизнь повернется, вдруг придется вскакивать и нестись куда-нибудь сломя голову.

Она знала, что вряд ли сможет заснуть, когда совсем рядом, в нескольких метрах от нее, находится человек, источающий непонятную, но весьма ощутимую опасность. Но хотя бы просто полежать, спокойно полежать и подумать. Она знала, что должна последовательно перебрать в памяти все, что произошло за сегодняшний день, шаг за шагом, слово за словом, чтобы составить хоть какое-нибудь представление о том, что такое Павел Сауляк.

В спальне было тихо, похоже, Павел даже не вертелся с боку на бок. Внезапно она улыбалась, как скрипнула кровать, потом раздались едва слышные шаги и открылась дверь, ведущая из спальни в гостиную.

– В чем дело? – спросила Настя вполголоса.

– Хочу задать вам один вопрос. Можно?

– Можно.

– Вы очень испугались там, в ресторане?

«Ах ты подонок! – подумала Настя почти что с умилением. – Ты что же, сукин сын, эксперименты на мне ставил? И теперь умираешь от любопытства, потому что не понимаешь, получилось у тебя или нет. И до такой степени тебя любопытство разбирает, что ты даже поступаешься своими долбаными принципами и первым задаешь мне вопросы. Ты даже уснуть не можешь, так тебя разбирает».

– Не столько испугалась, сколько удивилась, – ответила она вполне дружелюбно. – Вы вдруг стали обращаться ко мне на «ты», хотя не далее как сегодня утром категорически от этого отказывались. Впрочем, чего-то подобного я от вас ожидала, все-таки два года вы провели в зоне, поэтому вполне естественно, что в какой-то момент вы могли повести себя по отношению ко мне не вполне адекватно. Но это простительно.

– Значит, вы совсем не испугались?

– Нет, конечно. Чего я, по-вашему, должна бояться? Вы что же, думаете, я с мужчинами никогда не спала?

– Простите. Спокойной ночи.

Дверь снова скрипнула, Павел скрылся в спальне.

«Конечно, я испугалась, – думала Настя, свернувшись в клубочек под тонким гостиничным одеялом. – Я в первый раз испугалась еще тогда, за обедом. Ты страшный человек, Павел Сауляк. Господи, как же мне довести тебя до Москвы и больше никогда не видеть?!»

Глава 3

Заснуть ей так и не удалось. В спальне было тихо, оттуда не доносилось ни звука, но Настя была уверена, что и Сауляк не спит. Ровно в шесть часов она поднялась и постучалась к нему.

– Павел, пора вставать.

Он появился на пороге спальни почти мгновенно, будто не только не спал, но и не раздевался на ночь.

– Завтракать будем в аэропорту, здесь еще все закрыто в такую рань, – сказала она, быстро укладывая вещи в сумку.

Сауляк молча прошел в ванную, не сказав ни слова.

В аэропорт они добирались городским автобусом. Настя преодолела искушение взять такси, потому что автобус казался ей более безопасным. Остановить на безлюдном утреннем шоссе машину и попортить шкуру двоим невооруженным пассажирам – фокус не большой, а с автобусом такие штучки не пройдут. Она даже не стала смотреть в окно, пытаясь увидеть своих преследователей. Какая разница, есть они или нет? План от этого не меняется. Павел всю дорогу молчал, и ей на некоторое время даже удавалось забыть о его присутствии. Только когда она достала из сумки билеты, он метнул на нее вопросительный взгляд, но сдержался и по обыкновению ничего не спросил.

Они зарегистрировались и прошли на посадку. В накопителе народу было много, сесть было негде, и им пришлось стоять добрых сорок минут, пока стюардесса наконец не открыла двери и не пригласила пассажиров в автобус. Все эти сорок минут Сауляк простоял с закрытыми глазами, прислонившись к стене и скрестив на груди руки, а Настя незаметно разглядывала людей. У противоположной стены она заметила Короткова, а совсем рядом, всего в нескольких метрах от себя, увидела знакомое лицо парня в волчьей шапке. Пассажиры из серой «Волги» пока не появлялись, но она была уверена, что они где-то здесь.

К самолету они поехали последним автобусом и встали в самый конец очереди у трапа. Поднявшись в салон, Настя с удовлетворением убедилась, что почти все пассажиры уже сидят на своих местах. Таким образом, пробираясь к своему креслу, она имела возможность посмотреть в лицо каждому. Еще покупая билеты, она позаботилась о том, чтобы их места оказались в конце салона. Конечно, вот они, сидят в разных рядах, никуда не делись. И «волчья шапка» на месте. И Коротков. И автомобилисты. Полный сбор. Можно лететь.

– Они здесь? – спросил Сауляк, когда Настя уселась поудобнее и застегнула ремень.

– Здесь, – кивнула она. – Разве вы не видели? Я же просила вас запомнить лица.

– Я запомнил.

– Что, внимания не обратили, пока шли по салону?

– Обратил.

– Тогда почему спросили?

– Вас проверял.

– Понятно. Что, Павел Дмитриевич, страшно доверять свою судьбу актрисе-мошеннице?

– Страшно, когда не понимаешь, что и почему делает человек, которому доверился.

– А вы спрашивайте, не стесняйтесь, – весело посоветовала Настя.

Все-таки она его дождала! Как ни пыжился, как ни крепился, пытаясь выглядеть умным и прозорливым, не нуждающимся ни в каких разъяснениях, а сломался. Ее логика оказалась ему не по зубам. – Зачем мы летим в Свердловск?

– В Екатеринбург, – поправила она. – Чтобы оторваться от них. В Самаре мы с вами как на ладони, они отследили нас от ворот вашей колонии до самолета. В Екатеринбург мы прилетим около полудня, и в течение ближайшего часа оттуда уйдут четыре рейса – в Волгоград,

в Петербург, в Иркутск и в Красноярск. Мы получим новые документы и улетим, а они пусть думают, куда именно.

– Но почему именно в Екатеринбург? Что, в других городах расписание по-другому составлено?

– Расписание такое же, аэропорт другой. В аэропорту Кольцово много интересных ходов и выходов, и я их все знаю. Еще вопросы есть?

– Я хотел бы знать, кто вас нанял.

– А вот тут придется поторговаться.

– То есть?

– Я скажу вам, кто меня нанял, но и вы должны будете мне сказать, почему меня наняли.

– Разве вы этого не знаете?

– Я об этом не спрашиваю. Именно поэтому меня и нанимают. Согласитесь, очень удобно, когда можно дать задание и ничего не объяснять. Если я буду проявлять излишнее любопытство, то останусь без работы.

– Вот и не проявляйте.

– Хорошо, – легко согласилась Настя, – не буду. Будем считать, что торговля не состоялась.

– Куда мы полетим из Екатеринбурга?

– Не знаю, – она беззаботно пожала плечами. – Куда будут билеты, туда и полетим.

– А если на те четыре рейса билетов не будет?

– Будут, куда денутся, – усмехнулась она. – Экий вы, право слово, тревожный, Павел Дмитриевич.

Самолет набрал высоту и теперь летел ровно, только слегка подрагивая. Бессонная ночь дала о себе знать, и Настю стало неумолимо клонить ко сну. Веки сделались тяжелыми, но она изо всех сил боролась с соблазном закрыть глаза и подремать. И не то чтобы она боялась оставить Павла без присмотра, тем и хорош самолет, что из него никуда не денешься, да и Юра Коротков здесь, глаз с них не спускает. Но Сауляк ее беспокоил, и чем дальше – тем больше. От него исходила неведомая опасность, и заснуть рядом с ним было для Насти равносильно тому, чтобы сложить руки и отдаться на милость врага.

Она снова и снова перебирала в уме все этапы предстоящей операции по «сбрасыванию хвоста» в аэропорту Кольцово, когда над головами пассажиров пронесся мелодичный голос стюардессы.

– Уважаемые пассажиры! По метеоусловиям аэропорта Кольцово наш самолет не может совершить посадку в Екатеринбурге. Посадка будет осуществлена в аэропорту города Уральска. Экипаж самолета приносит вам свои извинения.

Вот это номер! Сон как рукой сняло. Интересно, что она будет делать в Уральске? Рядом – никого, кроме Короткова, но толку-то от него... Документы для нее и Павла дожидаются их в Екатеринбурге. А пытаться уехать из Уральска, имея документы на фамилию Сауляк, бессмысленно. То есть уехать, конечно, можно, но это пустая трата времени, сил и денег. Все равно за ними будет тащиться «хвост». Без помощи сотрудников аэропорта они не смогут сесть ни на один самолет, не засветившись.

Она повернула голову и взглянула на Павла. Тот сидел по-прежнему с закрытыми глазами, но было видно, как под тонкой кожей век быстро двигаются глазные яблоки.

– Вы слышали? – спросила она.

– Слышал.

– У нас с вами начинаются проблемы.

– Я понял.

– Наше путешествие затягивается и перестает быть приятным. – Я понял.

– Я рада, что вы такой понятливый, – сказала она с неожиданной злостью. – И в интересах нашей с вами безопасности было бы лучше, если бы я знала о ситуации несколько больше, чем знаю сейчас.

– Что именно вы хотите узнать?

– Я хочу хотя бы представлять себе, насколько могущественны те люди, которые за нами тащатся от самой колонии, и каких действий от них можно ожидать.

– Они могут все. Весь вопрос только в том, как далеко они захотят пойти, – ответил он очень тихо, но глаз так и не открыл.

– И что может повлиять на их желания?

– Боязнь раскрыть себя. Боязнь огласки, расшифровки. Вы выбрали правильную линию. Пока они не поймут, кто вы такая, они нас не тронут. Почему вы сделали себе паспорт с моей фамилией?

– Пусть думают, что мы родственники. Это их запутает хотя бы на какое-то время.

– Вы играете с огнем. Это была ваша ошибка.

– А что, быть вашей родственницей опасно?

– Более чем. Вы даже не догадываетесь, до какой степени это может быть опасным.

– Ну так просветите меня. Собственно, я добиваюсь этого уже вторые сутки.

– Вам не нужно этого знать. Просто помните, что вы совершили большую ошибку.

Тоже приятно, с раздражением подумала Настя. Знать, что сделала что-то не так, но не понимать, в чем ошиблась. Хуже не придумаешь. Мстительный сукин сын.

– С кем вы связаны, с милицией или с криминальными структурами? – спросил неожиданно Сауляк.

– А почему только с ними? Вы считаете, что человек, который меня нанял, должен быть непременно либо милиционером, либо преступником?

– У вас липовый паспорт. Это могут сделать только милиционеры и преступники. – Не только, – улыбнулась она. – За два года вы отстали от жизни. Липовый паспорт можно купить на любом рынке, за большие деньги, конечно, но зато без проблем. Находишь человека, платишь бабки, говоришь фамилию и отдаешь фотографию. На другой день получаешь заказ.

– И вы сделали именно так?

– Именно так.

– То есть идея взять мою фамилию принадлежала лично вам? Вы сами ее выбрали и сами заказали паспорт?

– Совершенно точно.

– И ваш наниматель об этом не знает?

– Я перед ним не отчитываюсь в деталях, ему важен результат, а как его добиться – я придумываю сама.

– Вы плохо придумали.

– Что поделать. Не ошибается только тот, кто ничего не делает. Вы уверены, что мой наниматель не сделал бы такой ошибки?

– Я не знаю, кто ваш наниматель. Может быть, и не сделал бы. А мог и сделать, если он недостаточно информирован.

Насте стало не по себе. Генерал Минаев был посвящен в план операции, он знал, что Настя взяла себе паспорт с фамилией Сауляк. Но не остановил ее. Значит, он недостаточно информирован? Это плохо. Тогда впереди ее могут ждать разнообразные неожиданности, одна неприятнее другой. А если он знал, что этого делать нельзя? Почему промолчал? Какую игру он затеял, этот чертов генерал Минаев? Час от часу не легче.

Самолет пошел на посадку, заложило уши и разболелась голова. Настя из-за слабых сосудов плохо переносила и взлет, и снижение, а сейчас из-за одолевавших ее дурных предчувствий ей стало совсем тошно.

Шасси самолета коснулись земли, и самые нетерпеливые из пассажиров тут же вскочили и начали одеваться. Настя увидела мелькнувшую впереди голову Короткова. Юра встал и, натягивая куртку, повернулся к ней лицом. Она едва заметно пожала плечами, что должно было означать: никаких специальных указаний нет, в голове пусто, новые идеи не появились, действуй на свой страх и риск.

– Сколько их? – раздался едва слышный голос Павла.

– Четверо. Двое по отдельности и двое вместе.

– Поклонник и двое из машины. Кто четвертый?

– В середине салона – парень в мохнатой шапке из волка. Он подходил вчера утром к колонии, но увидел «Волгу» и смылся. Не знаю, может быть, он с ними вместе.

– Кто из них кажется вам наиболее опасным?

– Все. Я не экстрасенс, мысли на расстоянии не читаю.

Сауляк резко повернулся к ней, и Настю снова окатило жаркой волной.

– Вы что, гипнотизер? – спросила она, улыбаясь через силу.

– Нет. С чего вы взяли?

– Взгляд у вас...

– Какой?

– Нехороший. Вставайте, будем одеваться.

– Вы слишком нервная. Впрочем, я слышал, все актрисы истерички в большей или меньшей степени.

– Аш-игрековый компонент, – пробормотала она, вытаскивая из-под сиденья свою сумку.

– Как вы сказали?

– Про таких, как я, психиатры говорят, что у нас сильно выражен аш-игрековый компонент. «Аш» и «игрек» – две первые буквы латинского написания слова «истерия».

– Так вы еще и психиатр? – усмехнулся Сауляк.

– Нет, но курс психодиагностики я прослушала.

– По-моему, вы такая же актриса, как я – чемпион по кикбоксингу.

– По-моему, тоже. Пошли к выходу. И давайте не ссориться, ладно?

Аэропорт в Уральске был маленьким, тесным, грязным и бестолковым. Пробравшись сквозь толпу пассажиров, стоящих в очереди на регистрацию и посадку, они вышли на улицу. Здесь было намного холоднее, чем в Самаре, дул пронизывающий ветер, забивая глаза мелкой колючей снежной крупой. Пассажирам их рейса было предложено устроиться в гостиницу аэропорта, так как, судя по сводкам синоптиков, рейсы в Екатеринбург возобновятся не раньше завтрашнего дня. Этим любезным приглашением воспользовались немногие, так как до Екатеринбурга можно было за десять часов доехать поездом. Но Настя точно знала, что никаким поездом она Сауляка не повезет. Даже если рядом все время будет Коротков, они не смогут ничего сделать, пожелай их навязчивые друзья сотворить какую-нибудь гадость. В поезде человек защищен минимально. Лучше уж торчать здесь, в Уральске, и терпеливо ждать самолета. Кроме того, скрыться от преследователей Настя могла только в аэропорту Кольцово, там ее ждали, там ей дадут новые документы. Значит, во что бы то ни стало нужно попасть именно туда, и не с улицы, а из зоны прилета.

В гостинице им предложили два койко-места в разных шестиместных номерах – мужском и женском. Этот вариант Настю не устраивал категорически, пришлось доставать еще одну стодолларовую купюру, после чего администратор, лучезарно улыбаясь, протянула ей ключ от стандартного двухместного номера с телефоном и санузелом. Вероятно, в аэропортовой гостинице это был номер самой высшей категории.

В номере она швырнула сумку на пол, скинула куртку и плюхнулась на кровать. Сауляк аккуратно повесил свою одежду в шкаф и уселся в кресло. Со своего места Насте не было его

видно, но она могла бы голову дать на отсечение, что он опять сидит, скрестив руки и закрыв глаза.

– Вы будете продолжать голодовку? – с сарказмом спросила она Павла.

– А вы уже успели проголодаться? – отпарировал он. – Вас прокормить – никаких денег не хватит.

– У меня нормальный аппетит здорового человека, не отягощенного муками совести, – весело ответила Настя. – А глядя на вас, можно подумать, что вам кусок в горло не лезет. От страха, что ли?

– Завидую вашему оптимизму. Впрочем, не зря же говорят, что многия горести – от многих знаний.

– Так поделитесь со мной вашими горестными знаниями, может, и у меня аппетит пропадет. Сэкономим на еде.

Он не ответил, но Настя с удовлетворением подумала, что произносимые им фразы стали длиннее, чем вчера. Ничего, со временем она его разговорит, нужно только терпение и немного выдумки. Одну особенность Павла Сауляка она уже высчитала: он не может мгновенно перестраиваться. Вчера в ресторане, когда она неожиданно назвала его Пашенькой и заговорила с ним ласково-просительно, он отступил от избранной жесткой линии поведения. Не потому, что поддался на ее мягкость, а потому что растерялся. И именно этим можно объяснить тот фортель, который он выкинул, танцуя с ней. Этот человек теряется, когда чего-то не понимает. Что ж, будем исходить из этого.

Некоторое время она лежала молча, подняв кверху руки и придирчиво рассматривая маникюр. Потом перевернулась на живот, оперлась подбородком на руки и в упор стала разглядывать Павла. Тот никак не реагировал, даже не пошевелился, словно окаменел.

– Как вы думаете, они сидят внизу или караулят нас на улице? – спросила она.

– Скорее всего кто-то из них сидит внизу, а кто-то – в холле на нашем этаже. Они же друг от друга тоже прячутся.

– Здесь не Москва, надолго их не хватит. Надо их всех куда-нибудь увести, пусть потолкуются на одном пяточке.

– Хотите поэкспериментировать? – Он приоткрыл глаза, но голову не повернул.

– А что? Не вам же одному. Я люблю развлечения, скука меня угнетает и лишает работоспособности. Собеседник из вас никакой, а если нельзя развлекаться с единомышленниками, то можно попробовать использовать для этого врагов. Как вы считаете?

– Тот, кто вас нанял, по-видимому, полный идиот, – процедил Сауляк. – И где только он вас откопал?

– Не грубите, Павел Дмитриевич. Если бы я не встретила вас вчера возле ворот вашего богоугодного заведения, вы бы уже стыли в придорожной канаве, и легкий февральский снежок тихо падал бы на ваше бездыханное тело. Может быть, вы и правы, я не настолько опытна, чтобы довести вас до места назначения целым и невредимым, но по крайней мере лишние сутки жизни я вам подарила. Хоть бы за это спасибо сказали.

– Сутки жизни, как и деньги, лишними не бывают.

– О, да вы еще и философствуете? Вашему самообладанию можно позавидовать. Вы знаете, что за вами идет охота, вы верили свою жизнь неопытной и глупой истеричке, стало быть, шансов уцелеть у вас – минус ноль целых семь десятых. А вы мелко склочничаете, считаете копейки, которые я трачу на еду, между прочим, не из вашего кармана, да в придачу рассуждаете о бренности жизни. Bravo! Значит так, Павел Дмитриевич. Или вы прекращаете играть в гордость и самодостаточность и мы наконец начнем с вами нормально общаться, или я ухожу в город обедать. Оставляйтесь здесь в высокомерном одиночестве, и я посмотрю, сколько вы протянете, когда к вам в номер начнут ломиться ваши доброжелатели. Их по меньшей мере

четверо, не исключено, что они уже познакомились и договорились о совместных действиях. А у вас даже оружия нет.

– А что, у вас оно есть?

– У меня тоже нет. Но у меня есть тайна, которую я вокруг себя создала. И пока они эту тайну не разгадают, они не тронут вас у меня на глазах, потому что иначе им придется причинить мне вред, а они пока не знают, можно ли это делать. Как только мы с вами расстанемся, ситуация в корне меняется. Без меня вы совершенно беззащитны.

– Послушайте, чего вы добиваетесь? Чего вы от меня хотите?

– Я хочу выполнить свое задание. И для этого мне нужно хоть что-то знать. Согласитесь, вслепую работать очень сложно. И если вы, Павел Дмитриевич, отказываетесь со мной разговаривать на интересующие меня темы, то мне придется совершать одну ошибку за другой, подвергая вас и себя ненужному риску. Я ведь могу сейчас пойти в милицию и заявить, что у меня пропал паспорт. Я скажу им свое настоящее имя, они пошлют запрос в Москву, получат подтверждение и выдадут мне справку, в которой будет стоять уже моя настоящая фамилия, а не Сауляк. Я готова сделать это, если вы мне объясните, почему я не должна носить вашу фамилию. Но вы же молчите, замкнутый и неприступный. Вы относитесь ко мне как к идиотке, которая неизвестно почему болтается у вас под ногами и мешает спокойно вернуться в Москву или куда там вы собирались ехать после освобождения. Да, согласна, я не гигант мысли и опыта у меня маловато, но тот план, который я пытаюсь осуществить, уже позволил нам спокойно прожить целые сутки, даже больше, значит, он не так уж глуп. Почему бы вам не признать хотя бы это?

– Я уже сказал вам в самолете: вы выбрали правильную тактику. Вам нужно, чтобы вас хвалили через каждые пять минут?

– А как же! – рассмеялась она. – Я – женщина, этим все сказано, если вы, конечно, не забыли за два года, что такое женщина. Женщины воспринимают окружающий мир через вербальную коммуникацию, а на поступки внимания не обращают. Можно приносить зарплату, делать подарки, не пить и не изменять жене, но если мужчина не будет ей трижды в день говорить, как он ее любит, она будет считать, что он плохо к ней относится. И наоборот, можно вести себя безобразно, изменять направо и налево и даже бить жену, но если говорить ей постоянно, что она самая красивая и самая любимая, то женщина будет пребывать в полной уверенности, что муж ее обожает, и все ему прощать за это.

– Слава Богу, я не ваш муж, так что не ждите от меня комплиментов.

– А чему вы радуетесь? Между прочим, быть моим мужем не так уж плохо. Я ведь прилично зарабатываю, ввязываясь в аферы вроде нынешней. У меня нет недостатка в клиентах. Кстати, если хотите, можете меня нанять.

– Зачем вы мне нужны? По-моему, за безопасную доставку моей персоны вам уже заплатили. Хотите два урожая собрать, мошенница?

– Ну зачем же. Я могу, например, выяснить для вас, кто это так жаждет на вас покуситься. Мой нынешний наниматель, по-видимому, хорошо об этом осведомлен. А вы?

– Я обойдусь без ваших услуг.

– Как хотите. В последний раз спрашиваю: идете со мной в город?

– Я бы предпочел другой вариант.

– Предлагайте.

– Мы можем выйти купить продукты, а поедем здесь, в номере.

– Годится.

«Конечно, годится, – подумала Настя. – Наконец-то я тебя расшевелила. Даже если бы ты предложил мне пойти купить газеты и заняться обклеиванием стен в этом номере, я бы тоже согласилась. Самое главное – заставить тебя включиться в процесс обсуждения, высказывать свое мнение, развязать язык. Ты предложил компромиссное решение – я демонстрирую

готовность пойти тебе навстречу. Павел Дмитриевич, мы с тобой должны подружиться, иначе ничего у нас не получится. Ты должен снизойти до меня, глупенькой и недалекой, но нахальной и пронырливой. Только почувствовав свое превосходство надо мной, ты перестанешь от меня закрываться. Если ты будешь видеть во мне сильного противника, мы ни до чего не договоримся. Самолюбия у тебя на десятерых хватит, а высокомерия – на дюжину. А вот азарта в тебе нет, иначе сильный противник тебя раззадорил бы, а тебя он раздражает. Или пугает? Может, тебе не хватает уверенности в себе? Любопытно. Но как бы там ни было, кое-что про тебя я начинаю понимать. Уже хорошо».

* * *

Григорий Валентинович Чинцов больше всего на свете любил интриговать. Он дышать не мог без этого, без интриг, даже без малюсенькой такой, глупенькой интрижки ему было скучно жить. На сегодняшний день перспективы перед ним сияли самые радужные, потому что начиналась кампания по выборам нового Президента России. Уж здесь-то он развернется, здесь он себя покажет, потешит душеньку.

Чинцов не был борцом за идею, он был борцом за обогащение собственного кармана и ради этого с легкостью ввязывался в любые авантюры, если они сулили прибыль. Сегодня он плел интригу в интересах группировки, выдвигающей своего кандидата на президентские выборы. За спиной у этой группировки стоял мощный криминальный капитал, а выдвигаемый ею кандидат в случае избрания заблокирует по крайней мере на четыре ближайших года принятие неудобных для этого капитала законов и указов. Уж по крайней мере налоговые и таможенные льготы при этом человеке будут предоставляться в первую очередь тем субъектам, которые этим капиталом контролируются.

У кандидата была и своя команда наготове: силовые министры, министр экономики и финансов, председатель Центробанка. Если он придет к власти и расставит этих людей на нужные посты, то за четыре года они смогут прибрать к рукам все, что захотят. Но вот одна маленькая деталь мешала: и группировка, выдвигающая и поддерживающая кандидата, и сам кандидат вместе со своей командой в недалеком прошлом активно пользовались связями с генерал-лейтенантом Булатниковым. На территории России и были выбраны регионы, которые они превратили в свой оплот в порицаемом Уголовным кодексом деле незаконного оборота оружия и наркотиков. Для этого в выбранных регионах нужно было поставить своих губернаторов, начальников военных гарнизонов, руководителей органов внутренних дел и прокуратуры. Но прежде чем поставить новых, нужно было снять старых. И вот в этом скользком деле генерал-лейтенант Булатников был просто незаменим.

Все смещения и замены прошли, что называется, в плановом порядке, свои люди были расставлены по ключевым постам, после чего Булатников стал лишним и опасным. Его, разумеется, убрали. Но ближайший помощник генерала сумел от них ускользнуть. Они в то время не особенно обеспокоились, ибо понимали: раз спрятался в зоне, значит, боится. А коль боится, то сам никого не тронет, если его не задевать. На том и успокоились.

Однако некоторое время назад Григорий Валентинович узнал, что помощником покойного генерала вдруг заинтересовались сторонники нынешнего Президента. Это уж было совсем ни к чему. При помощи показаний Павла Сауляка можно в полном смысле слова удавить подавляющее большинство кандидатов, в том числе, естественно, и того, на команду которого в данный момент работал сам Чинцов. Понятно, что помощника этого надо убрать с глаз долой. Чинцов, по привычке понадеявшись на свои связи с МВД, был сильно разочарован, обратившись к двум-трем старым знакомцам. После июньских событий в Буденновске министра внутренних дел сняли, а новый министр привел новую команду, к которой ходов у Чинцова не оказалось. Новый министр оказался не милиционером, а войсковиком, и компрометирующих

его материалов для решения своих вопросов у Григория Валентиновича не было. Единственное, что он смог сделать – это узнать, в какой колонии находится Сауляк и когда будет освобождаться. Он послал людей встретить Павла Дмитриевича, но все вдруг обернулось неожиданными осложнениями. Во-первых, Павла встречать явились не только они. Был какой-то парень, который крутился возле колонии. Был еще один тип, который крутился возле Павла в гостинице. И самое главное – появилась женщина, вероятно, родственница генеральского помощника. А может, жена. Эта женщина спутала Чинцову все карты, и теперь он вынужден был ждать, пока ситуация не прояснится.

Так картинка выглядела еще вчера вечером. Однако после некоторых сообщений Чинцов стал пересматривать свой стратегический план. Президент объявил, что в течение ближайшего времени предпримет все меры для того, чтобы погасить задолженности по социальным выплатам. Понятное дело, у него всего три рычага, которыми он может оперировать в предвыборной борьбе: играть в демократию, решить чеченский вопрос и обеспечить выплаты зарплат и пенсий. Погасить задолженности можно только путем включения печатного станка, это очевидно всем. Видные экономисты возражают против этого категорически. Но разве Президент их послушает? То есть послушает, конечно, послушает, пока ему не надоест, а потом все равно сделает по-своему. Простому народу, который живет только на зарплату да пенсию, эти резоны ни к чему, они ему непонятны, все эти слова насчет инфляции и будущей экономической катастрофы для него пустой звук, потому как детей кормить нечем уже сегодня, а инфляция и катастрофа когда еще будут. Погасит Президент задолженность – завоюет любовь народа. Значит, нужно сделать так, чтобы он ее не погасил. Какие тут силы расставлены? Независимые экономисты, которые против включения станка. И зависимые советники, в том числе по финансовым вопросам, на которых можно нажать. Чинцов хорошо знал, что помощью генерал-лейтенанта Булатникова пользовались не только его нынешние друзья. Вся страна пользовалась. Так неужели же среди советников Президента не найдется человека, которого можно придушить руками Павла Сауляка? Наверняка найдется, и не один. И что из этого следует? А то, что генеральского помощника нужно прибрать к рукам. Не ликвидировать сразу, как это планировалось вначале, а потрясти как следует, заставить сотрудничать, выложить все, что знает. А дальше видно будет.

Вот только женщина эта мешается... И кто она такая? Может, и она в этой игре стодится? Нет, нельзя их трогать, нельзя, пока ясности не будет.

* * *

Вячеслав Егорович Соломатин в отличие от Чинцова радел за идею. Его личная преданность Президенту поистине не знала границ. И он готов был на все, чтобы его поддержать и помочь.

Рассуждал он в принципе точно так же, как и Григорий Валентинович. И про три рычага, и про невозможность упустить хотя бы один из этих рычагов. Но задача перед ним стояла несколько иная.

Нашлась же сволочь, которая внушает Президенту опасную идею создать две разные комиссии по выработке решения чеченского вопроса! Пока он эту идею еще не принял, но по всему видно – склоняется. В одной комиссии будут работать члены Президентского совета, в другой – министры-силовики. С чьими бы выводами он ни согласился, все равно настроит против себя огромную часть населения. Сделает, как предлагают советники, – это не понравится сторонникам жесткой руки, а их, как показали недавние выборы в Госдуму, их как много в России. Последует советам министров – демократы в позу встанут. И будут правы, положат руку на сердце. Единственное, что может спасти престиж Президента в этой патовой ситуации,

это его личное решение, не совпадающее с предложениями ни одной из комиссий. А где это решение взять?

В комиссиях этих не дураки заседать будут, перед ними задача будет стоять: проанализировать все имеющиеся варианты выхода из чеченского кризиса и предложить самый оптимальный. Понятное дело, члены комиссий землю рыть начнут, привлекут всех имеющихся в наличии аналитиков и стратегов, задействуют научные институты, разыщут самых толковых экспертов. Вся страна будет мозги напрягать. И не может такого быть, чтобы нашлось решение, до которого никто не додумается. А такое решение должно найтись. Обязательно. Иначе Президенту лица не сохранить и гонку не выиграть.

В толстой стене, которую будут складывать эти две комиссии из кирпичиков различных вариантов, должна остаться щелочка. Маленькая такая щелочка. Не будет хватать только одного кирпичика. И с этим кирпичиком в руках нынешний Президент достойно подойдет к предстоящим выборам. Задача, как ее видел Вячеслав Егорович Соломатин, состояла в том, чтобы обеспечить Президенту этот кирпич, это единственное решение, которое позволит ему не согласиться ни с одной из комиссий и показать себя как самостоятельно мыслящего политика. И для этого ему позарез нужен был Павел Дмитриевич Сауляк.

Несмотря на схожесть рассуждений и избираемой тактики, между Григорием Валентиновичем Чинцовым и Вячеславом Егоровичем Соломатиным разница все-таки была. Соломатин знал о Павле Сауляке намного больше. Поэтому он не собирался его похищать и вообще применять к нему какое-либо насилие. Он знал, что делать этого нельзя ни в коем случае. Соломатин хотел попробовать договориться с бывшим помощником генерал-лейтенанта Булатникова. Поэтому сейчас его люди просто наблюдали за Павлом, отслеживали его передвижения, а заодно и пытались установить, кто та женщина, которая встретила его у ворот колонии. Странная парочка! Живут в одном номере, носят одну фамилию, а на людях разговаривают на «вы». Хотят скрыть близкое знакомство или даже родственные отношения? Что же они, считают окружающих полными идиотами? Кто поверит, что мужчина и женщина, носящие одну фамилию и снимающие в гостинице один номер на двоих, едва знакомы! Или они никого не пытаются обмануть, а просто очень сильно конфликтуют. Ведь в ресторане она даже его ударила, а он ей руку вывернул так, что она на пол упала. Видно, крутая разборка какая-то между ними. Впрочем, это вполне может быть ревность. Люди Соломатина донесли, что женщина открыто флиртовала с каким-то постояльцем гостиницы и даже целовалась с ним на глазах у Сауляка. Немудрено, что тот взбесился. Но зачем она это делала? Одни загадки кругом.

* * *

Одним из завоеваний экономической реформы стало стирание границ между центром и провинцией во всем, что касается обеспечения населения товарами и услугами. Продуктов в магазинах города Уральска было много, и ассортимент их был вполне достаточным для того, чтобы Настя могла устроить в гостиничных условиях очень даже приличный обед. Итальянские салаты в пластиковых коробочках, супы в стаканчиках, которые нужно было только залить горячей водой и дать постоять три минуты, разнообразные йогурты и сладкие десерты и даже упакованный отдельными тоненькими кусочками французский сыр. Денег, полученных от генерала Минаева, было много, и Настя не стеснялась накладывать продукты в пластмассовую инвентарную корзинку.

– У вас барские замашки, – заметил Павел, с неодобрением глядя на очередной яркий пакетик с орехами, перекочевавший с полки в корзинку.

– Ничего подобного, – возразила она. – Просто я ленива от природы и поэтому предусмотрительна. Кто знает, сколько времени мы проторчим в этом городе, пока не улетим в Ека-

теринбург. Не ходить же в магазин каждый раз, когда мы захотим есть. Вы какой сыр предпочитаете, сливочный, с креветками или с ветчиной?

– Все равно.

– Но у них же совсем разный вкус. Неужели вам безразлично?

– Абсолютно. Я вообще сыр не люблю, так что ориентируйтесь на свой вкус.

– Ладно. А что вы любите? Не стесняйтесь, Павел, мой клиент от этого не обеднеет.

– Ничего. Мне все равно.

– Да ну вас, ей-Богу, никакого удовольствия ходить с вами по магазинам, – фыркнула Настя. – Нельзя быть таким занудой. Надо получать удовольствие от жизни, а вы лишаете себя маленьких земных радостей в виде вкусной еды. У вас всегда такое похоронное настроение?

– Оставьте в покое мое настроение, сделайте одолжение.

– Ладно. Тогда по крайней мере посмотрите, где там наши любезные друзья. Должна же от вас быть хоть какая-то польза.

Они уже стояли в очереди к кассе, и Настя видела впереди, у входа, Юру Короткова. Волчья шапка попала ей на глаза только при выходе из гостиницы, а парочку из «Волги» она вообще не заметила. Куда они делись, интересно?

– Все на месте, – сообщил ей Сауляк. – Берут с вас дурной пример, тоже едой запасаются.

– А поклонник?

– Уже отоварился и ждет на улице.

– Может, пригласим его пообедать с нами? Все-таки развлечение.

– Послушайте, перестаньте меня истязать вашим стремлением к веселью. Вы на работе – вот и работайте. Я лично ничего забавного не вижу.

– Значит, вы еще не боялись как следует.

– Что вы имеете в виду? – нахмурился Сауляк.

В этот момент стоящая впереди них женщина забрала у кассира сдачу и отошла. Настала их очередь платить, и Настя решила не отвечать. Если ему действительно интересно, что она имела в виду, то он обязательно об этом спросит. Наступит на горло своим идиотским принципам, а заведет разговор первым. Ничего, она его дождет.

Содержимое зеленой пластмассовой корзинки потянуло на изрядную сумму, и она с усмешкой подумала, что на свою зарплату никогда не позволяла себе покупать такие дорогие продукты, которых, в сущности, хватило бы только на обед и ужин. На такую сумму, которую она выложила сейчас, они с Лешей жили неделю.

По дороге из магазина обратно в гостиницу им попался газетный киоск. Павел слегка замедлил шаг, и Настя сообразила, что он хочет купить газеты, но не может заставить себя попросить у нее денег. Сам-то он без гроша. На принятие решения у нее были буквально доли секунды. Проявить благородство и не заставлять его унижаться? Или сделать вид, что не заметила, чтобы он почувствовал свою зависимость от нее? Как правильно поступить, чтобы не сдать одним махом с таким трудом завоеванные позиции?

– Что, Павел Дмитриевич, в вас проснулась тяга к печатному слову? – насмешливо спросила она, перекладывая сумку из одной руки в другую. – Я куплю вам газеты просто из принципа. Может быть, в них найдется рубрика «Как себя вести», и из нее вы с удивлением узнаете, что сумку с продуктами у дамы полагается забирать и нести ее самостоятельно. Вас этому никогда не учили?

Павел молча забрал у нее сумку, при этом губы его сжались еще крепче и превратились в узкую полоску. Настя купила несколько газет, как центральных, так и местных, и тоненькую книжечку с кроссвордами.

– Если вы будете продолжать строить из себя вселенскую скорбь и великого молчальника, я по крайней мере кроссворды поразгадываю. Вы кто по образованию? – спросила она, записывая газеты в сумку.

– Технарь, – коротко ответил он.

– Прелестно. Будете помогать отгадывать слова, которых я не знаю.

– А у вас какое образование?

– Университет, физмат.

– Да что вы? Там открыли актерское отделение?

– По-моему, пока нет. Откуда такой вопрос?

– Вы же говорили, что вы актриса.

– Да что вы? – передразнила его Настя, весело улыбаясь. – А мне кажется, что ничего подобного я не говорила. Вам показалось.

Его лицо вмиг застыло, глаза на секунду закрылись, словно он пытался стряхнуть с себя наваждение, справиться с собой. «Разозлился, – подумала она. – Это хорошо. Пусть считает меня душой, самое главное, чтобы он не понимал меня. Если он будет считать меня душой, то обязательно захочет понять, что у меня в голове. Почему вчера я говорила одно, а сегодня – совсем другое? Просто вру и не запоминаю, вопреки старой истине о том, что у лжеца должна быть хорошая память? Или плету какую-то каверзу? Он должен хотя бы заинтересоваться мной. Нормальное человеческое любопытство, не ограниченное страхом перед возможными препятствиями. Страх перед неудачей может заставить его забыть о любознательности. Ведь он азарта начисто лишен. Если страха не будет, если я в его глазах ничего сложного не представляю, ему обязательно захочется разобрать механизм, чтобы посмотреть, как он устроен. Вот на этом любопытстве я тебя и зацеплю, «и никуда ты, милок, не денисси», как говорилось в одном известном телесериале. Кажется, это был «Вечный зов»...»

Придя в номер, Настя сразу включила кипятильник, чтобы сделать кофе, и занялась обедом. На этот раз Сауляк не говорил, что не голоден, и от еды не отказывался, но она видела, что ему кусок в горло не лезет. Неужели у него совсем нет аппетита? Странно как-то. Может, у него болит что-нибудь, желудок, например, или печень?

– Павел Дмитриевич, у вас проблемы со здоровьем? – спросила она, с удовольствием поедая салат с креветками и грибами. – Вы что-то совсем плохо едите.

– У меня все в порядке.

«Как же, все у тебя в порядке, – мысленно прокомментировала Настя. За последние сутки она уже привыкла вести с Павлом такие молчаливые беседы. – То-то ты вчера дверь не запер, когда ванну принимал. Типичное поведение сердечника, который боится, что в горячей воде ему может стать плохо. Я и сама никогда не запираюсь в ванной, мало ли что – крикну, Лешка прибежит. А то пока он дверь ломать будет, глядишь, и опоздает. Может, конечно, ты и не сердечник, но какая-то хворь у тебя точно есть. Не хочешь говорить? Супермена из себя строишь? Ну строй, строй».

После обеда она улеглась на кровать, подложила под спину подушку и занялась разгадыванием кроссвордов. В комнате повисла тишина, нарушаемая только шелестом газетных страниц – Павел изучал прессу.

– Если у вас тяга к политическим новостям, можете включить телевизор, – сказала Настя, не отрываясь от кроссворда. – Вы мне не мешаете.

– Вы очень любезны, – ответил Сауляк спокойно, но в его голосе она уловила едва заметный сарказм. Хорошо, значит, он просыпается от своей спячки, уже появились эмоции.

Телевизор он включил спустя минут пятнадцать, когда началась информационная программа по каналу ОРТ. Ничего интересного там не сказали, было воскресенье – день не особо богатый на сенсации и политические скандалы. Павел пощелкал переключателем и нашел местный канал, по которому шла какая-то публицистическая передача. Ведущий пытался разжевать дискуссию между двумя приглашенными чиновниками, один из которых был представителем мэрии, а другой – из городской Думы. Но дискуссии не получалось, оба говорили об одном и том же и во всем друг с другом соглашались. Речь шла о том, в какой мере городские

власти должны отвечать за деятельность органов управления и их руководителей. Ведущий лез из кожи вон, вероятно, ему покоя не давали лавры известного тележурналиста, на передаче у которого два крупных политика чуть не подрались. Отчаявшись расшевелить гостей собственными усилиями, ведущий достал козырную карту, решив, по-видимому, что в положении обороняющихся они поведут себя более агрессивно.

– Как вам известно, – начал он, обращаясь к зрителям, – в нашем городе уже два года существует объединение родителей, чьи дети стали жертвой кровавого маньяка, который до сих пор не разоблачен и не привлечен к ответственности за свои злодеяния. Объединение охватывает матерей и отцов не только из нашего города, но и из некоторых соседних городов, где орудовал преступник. И у этих людей существует совершенно определенная точка зрения на меру ответственности муниципальных властей за состояние борьбы с преступностью. Давайте посмотрим запись.

На экране появилась панорама какого-то конференц-зала, камера приблизилась к сидящим и стала по очереди показывать участников собрания. Все лица были молодыми, не старше сорока лет, и на каждом из них лежала печать одержимости.

– Сегодня эти люди собрались вместе не для того, чтобы заклеить бездействие правоохранительных органов, – говорил голос за кадром. – Они больше не надеются на органы внутренних дел и прокуратуру и хотят сделать все возможное для того, чтобы постигшая их трагедия больше не повторилась, чтобы предотвратить новые жертвы, сберечь жизни наших маленьких сограждан. Сегодня здесь идет обсуждение вопроса о сборе средств на подготовку и издание брошюры «Как помочь ребенку не стать жертвой преступления». Инициативная группа заключила договор с известным специалистом в области преступлений против детей, и он готов поделиться своими знаниями и дать полезные советы и рекомендации как родителям, так и самим детям...

Теперь на экране возникло лицо женщины с яростно сверкающими глазами.

– Мы хотим сделать все возможное, чтобы подобное не повторилось. Не дай Бог кому-нибудь пережить то, что пережили мы три с лишним года назад. Наша ассоциация существует всего два года, потому что сначала мы ждали, что милиция сделает хоть что-нибудь, чтобы поймать это чудовище. И только спустя год, когда мы поняли, что ничего не дождемся, а маньяк продолжает разгуливать на свободе, мы решили объединиться, чтобы защитить хотя бы чужих детей, потому что нашим детям уже ничто не поможет...

Она запнулась, глаза ее налились слезами, и камера деликатно перешла на группу, что-то оживленно обсуждающую возле самой трибуны. Сюжет закончился, на экране телевизора снова появились ведущий и приглашенные им чиновники. Настя оторвалась от кроссвордов. Она знала, о каких преступлениях идет речь. Три с лишним года назад в этом регионе было совершено одиннадцать убийств мальчиков в возрасте от семи до девяти лет. Их тела находили без малейших признаков сексуального насилия, но на груди у каждого был вырезан православный крест. Преступления действительно до сих пор не были раскрыты, дело находилось на контроле в министерстве, но поимке жестокого маньяка это мало помогло.

Внезапно экран потух, Павел выключил телевизор и снова уселся в кресло, зашелестев газетными страницами.

– Вам не интересно послушать про маньяка? – спросила Настя с досадой.

– Про маньяка я уже послушал. А теперь они будут говорить про меру ответственности и спихивать ее друг на друга. Это мне не интересно. Но если хотите послушать, я могу включить.

– Не надо, – сухо ответила она.

На самом деле ей очень хотелось послушать, но показывать это было нельзя. Про маньяка интересно всем, это понятно и подозрений не вызывает. А вот про власть, руководство борьбой с преступностью и ответственность за организацию работы может быть интересно майору милиции Анастасии Каменской, но должно быть совершенно не интересно глуповатой, но

нахальной и удачливой авантюристке. Поэтому она скорчила непроницаемую мину и снова занялась вписыванием слов в клеточки кроссворда. Через некоторое время она обратила внимание, что не слышит шелеста газет. Она повернулась туда, где стояло кресло. Павел сидел неподвижно, с закрытыми глазами. Лицо его было пепельно-серым, на лбу выступила испарина. Сейчас он выглядел старым и очень больным.

– Что с вами? – испугалась Настя. – Вы плохо себя чувствуете?

– Я в порядке, – процедил Сауляк, почти не разжимая губ.

– Точно? Вид у вас совсем больной.

– Я же сказал, я в порядке. Вы, кажется, хотели развлечься? Пойдемте погуляем по городу.

Она с нескрываемым изумлением взглянула на Павла и слезла с кровати.

– Пойдемте. Вы хотите доставить мне удовольствие? Я это ценю.

– Я просто хочу пройтись, – ответил он, вставая с кресла.

Глава 4

Короткову койка досталась в четырехместном номере, где вместе с ним оказались трое беспробудно пьющих мужиков из Воркуты, которым тоже не удалось долететь до Екатеринбурга. Юру это обстоятельство порадовало. Проведя полчаса в комнате, пропахшей перегаром, луком, чесноком и куревом, он с виноватой улыбкой подошел к сидящей в холле за столиком дежурной по этажу.

– Вы не будете возражать, если я посижу в кресле, посмотрю телевизор? – спросил он.

Женщина сочувственно кивнула.

– Вы из триста второго?

– Да. Понимаете...

– Понимаю, понимаю. Там даже тараканыдохнут. Что сделаешь, рейсы на Екатеринбург уже третий день отменяются, вот они и резвятся. Им уже намекали, что поездом быстрее и проще добраться, но у них на все один ответ: мы, мол, билеты на самолет купили, самолетом и полетим. А деньги, за которые можно купить три билета на поезд, лучше прогуляем. Вот и прогуливают. Сладу с ними никакого нет.

Юра устроился в кресле и устался в телевизор, не забывая время от времени поглядывать на широкую лестницу. Номер, в котором поселилась Настя, находился этажом выше, и пожелай она выйти из гостиницы, ей придется обязательно пройти по этой лестнице мимо него, потому что лифта здесь не было.

Он сходил в магазин следом за Настей и Сауляком, но купил только конфеты и печенье, потому что заручился добрым отношением дежурной и получил от нее приглашение пить чай сколько его душе будет угодно, а сидеть в вонючем шумном номере он и не собирался. Около восьми часов Настя и Сауляк снова прошли мимо него вниз. Юра словно нехотя поднялся, натянул теплую куртку с капюшоном, которую предусмотрительно не стал оставлять в номере, и не спеша отправился следом за ними, сказав дежурной, что хочет попробовать найти в городе симпатичный ресторанчик и поужинать.

К вечеру сильно похолодало, поднялся ветер, и Юра с тоской подумал о том, что если в Екатеринбурге аэропорт откроют для посадки, то в Уральске его вполне могут закрыть для вылета. Вот влипли они с этим Сауляком! Но попасть в Кольцово было необходимо. В последнее время организация оперативных мероприятий спустилась с уровня управленческих решений и приказов на уровень личных контактов. И немалую роль сыграло в такой перемене осознание печального факта коррупции и недобросовестности в милицеских рядах. Если понимаешь, что доверять безоглядно никому нельзя, то и каждую операцию строишь преимущественно с расчетом на приятелей и хороших знакомых. Такие знакомые в аэропорту Кольцово у Юры были. А в Уральске их не было. Поэтому приходилось ждать милости от погоды.

Он догнал Настю и Сауляка на остановке автобуса. Народу на остановке было много, этот маршрут заканчивался у городского железнодорожного вокзала, и пассажиры с екатеринбургских рейсов в большинстве своем старались уехать из Уральска поездом. Но Коротков решил не рисковать попусту. Мало ли что Анастасия наплела этому Сауляку. Лучше не попадаться им на глаза лишний раз. Коротков быстро нашел лихого водилу-частника и пропел ему банальный романс о неверной возлюбленной и коварном сопернике. Парень сразу согласился с тем, что морду бить, конечно, не стоит, но проследить и посмотреть, что да как, никогда не помешает. На том и порешили.

– Что же она, сюда к своему хахалю прикатила? – поинтересовался сердобольный автовладелец.

– Нет, она с ним в Екатеринбург летела. Она вроде как в командировку, а он с ней за компанию. Теперь вот застряли у вас неизвестно на сколько. Я-то следующим рейсом летел,

чтобы на глаза им не попадаться. Я же знал, в какую организацию ее командировали, так что нашел бы ее быстро. А мой самолет тоже здесь посадили, вот и толчемся на одном пяточке, в гостинице.

– Но ты точно мне обещаешь, что мордобоя и разборок не будет? – на всякий случай уточнил водитель, которого звали Виктором.

– Точно, точно, не сомневайся. Морду ему набить я и дома успею, если надо будет. Но я вообще-то не сторонник резких движений, – успокоил его Коротков. – Я ведь тоже себе позволяю, не без этого. Сам понимаешь, у нас теперь равноправие. Но знать хочу.

– Это конечно, – согласился Виктор. – Это правильно. Знание – сила. О, вот и автобус подвалил.

Они убедились, что Настя и Сауляк сели в автобус, и поехали следом. Минут через пятнадцать они оказались почти в центре города, и здесь им пришлось притормаживать у каждой остановки, чтобы не пропустить парочку. Наконец в толпе выходящих из автобуса пассажиров Коротков увидел Настю. Сауляк вышел из автобуса первым, но руки ей не подал. Юра не обратил на это внимания, но глазастый Виктор углядел несостыковочку.

– Чего ж твоя красавица такого охламона себе выбрала, – неодобрительно покачал он головой. – Даже со ступенек спуститься не помог. А страшон-то, Господи! Прямо смертный грех. Нет, нам баб никогда не понять. У него денег много, что ли?

– Не знаю, еще не выяснил. Потому и хочу посмотреть повнимательнее, что в нем есть такого, чего во мне нет. Как думаешь, куда они могут пойти?

– Здесь-то? – Виктор огляделся по сторонам. – Магазины все закрыты уже, разве что в ресторан какой-нибудь или в бар. Гляди, они двинулись в сторону бульвара, там вообще ничего нет, только киоски стоят.

– А дальше?

– Если они пойдут по бульвару до пересечения с проспектом Мира, то там два ресторана и баров несколько штук.

– Давай туда подьем, – решил Коротков. – Там и покараулим, раз ты говоришь, что больше им деваться некуда.

– Как скажешь, командир, – пожал плечами Виктор, трогаясь.

Они обогнали Настю, медленно шагающую рядом с Сауляком, и проехали метров пятьсот вперед до перекрестка. Через некоторое время Настя и Сауляк поравнялись с машиной, замедлили шаг, оглядываясь и что-то обсуждая, потом свернули направо, как раз туда, где, по словам Виктора, находились рестораны и бары. Проспект был ярко освещен, и Короткову было хорошо видно, как они прошли оба ресторана и скрылись за невзрачной дверью.

– Что у вас там? – спросил он Виктора.

– Пивной бар. Твоя красotka пиво любит, что ли?

– Терпеть не может.

– Значит, ради него старается. Ну так что, командир, будем ждать или как?

– Будем, – решительно сказал Коротков. – Я все оплачу, ты не сомневайся. Минут через несколько зайди туда, погляди, договорились?

– А тебя одного в машине оставить? – хмыкнул Виктор.

– Ключи забери, если сомневаешься. А хочешь, возьми с собой мой паспорт. Куда я без него денусь-то?

– И то сказать, – согласился тот.

* * *

Коротков сказал правду, Настя действительно терпеть не могла пиво. Но идея зайти в пивной бар принадлежала Павлу, и она сочла разумным не спорить с ним. Пусть знает, что она не строптивая в мелочах и с ней запросто можно договориться, если вести себя дружелюбно.

В баре этом было шумно, многолюдно и не особенно чисто. Они с трудом нашли два места за столиком, где уже расположились два сомнительного вида типа, разговаривавших на каком-то неизвестном Насте языке. Прислушавшись, она поняла, что речь их очень напоминает венгерскую, стало быть, скорее всего это были удмурты.

Пиво здесь продавали нескольких сортов, а к нему – горячие копченые сосиски, солянку из квашеной капусты и огромных розовых креветок. Настя заметила, что Павел немного оживился, и готова была ради этого даже пить ненавистное пиво, заедая его сильно перченными сосисками, обильно политыми шашлычным соусом. Павел ел креветки, ловко управляясь с их нежными сочными тельцами.

– Никогда не могла этому научиться, – призналась Настя, глядя, как легко и быстро он отделяет мясо от чешуи. – У меня всегда половина мяса пропадает.

– Это потому, что у вас ногти длинные, они мешают.

– Это точно, – вздохнула Настя. – Из-за маникюра приходится приносить жертвы.

– Ну так не приносите, кто вас заставляет? Сами выдумываете себе сложности, а потом с упоением их преодолеваете и хотите при этом, чтобы вам сочувствовали.

– Ага, – улыбнулась она. – Хотим. Мы же ради вас стараемся, ради мужчин. Это вы хотите, чтобы мы были красивыми и холеными, а нам самим это сто лет не нужно. Что вы все время оглядываетесь? Ищете кого-то?

– Наших наблюдателей. Вы так увлеклись едой, что забыли о своих обязанностях, и мне приходится выполнять их вместо вас.

Настя промолчала, делая вид, что увлеченно борется с копченой сосиской при помощи тупого ножа и кривозубой вилки. Она давно уже «сфотографировала» всех, кроме Короткова, который в пивнухе не появился. И могла бы дать голову на отсечение, что Павел солгал. Он не их высматривал. Парень в волчьей шапке появился всего на мгновение, убедился, что они мирно потягивают пиво, и вышел на улицу, теперь, наверное, мерзнет там, ожидая, когда они выйдут. Парочка из серой «Волги» сидела далеко от них, у Насти за спиной, и для того, чтобы их видеть, Павлу не нужно было вертеть головой, достаточно было просто поднять глаза. Так кого же он тут высматривал? Очень интересно.

– Между прочим, вы мне обещали рассказать, как вы отличаете правду от лжи, – внезапно сказал Сауляк.

Еще интереснее. Что это с ним? Откуда такая резкая перемена? К вечеру второго дня он вдруг решил стать милым и разговорчивым? «Осторожней, Настасья, – сказала она себе. – Павел Дмитриевич что-то затевает. Или, наоборот, до сего момента он чувствовал какую-то опасность и напрягался, а теперь она миновала, и он расслабился. Что произошло? Что? Думай, дорогая моя, думай, соображай быстрее, а то нарвешься на очередной сюрприз».

– Расскажу, – пообещала она. – А что мне за это будет?

– А что вы хотите?

– Чтобы вы мне тоже что-нибудь рассказали.

– Слушайте, вы корыстны до неприличия.

– Не-а, – она весело помотала головой. – Просто люблю поторговаться. Но в виде исключения поделюсь с вами опытом бесплатно. Вы мне симпатичны, Павел Дмитриевич, хотя вообще-то вы ужасная бука. Но сначала я попрошу вас принести мне еще одну сосиску. Как вы правильно заметили, я не только корыстна, но еще и прожорлива. Возьмите деньги.

Павел молча поднялся и стал пробираться к стойке. Настя с ужасом думала о еще одной порции не в меру острой еды. Но ей хотелось непременно отправить Павла через весь зал, чтобы проверить свои подозрения. Ей нужно было понаблюдать за ним со стороны. Так и есть, он кого-то искал, причем не среди посетителей, а из числа obsługi. Подойдя к стойке, он несколько раз кидал взгляд на служебный вход, откуда то и дело появлялись разного возраста мужчины в не первой свежести белых куртках, обходили столики, собирая пустые кружки и грязные тарелки, приносили и ставили на стойку огромные подносы с чистой посудой, выносили заказанные посетителями горячие блюда. Зачем он привел ее сюда? У него здесь есть сообщники, при помощи которых он рассчитывает от нее отделаться? Маловероятно. Они оказались в этом городе совершенно случайно. Но каких только случайностей не бывает... Может, как раз именно в этом городе у Сауляка и есть дружки. Ведь это он предложил пойти на прогулку. И сойти на этой остановке предложил тоже он. И идея заглянуть в этот бар принадлежала ему. Что ж, Настасья, готовься к неприятностям. Остается надеяться только на то, что Коротков где-то поблизости, поможет если что.

Павел вернулся и поставил перед ней тарелку с очередной вызывающей отвращение сосиской.

– Ваш аппетит сослужит вам плохую службу, – заметил он. – Вы запихиваете в себя все без разбора. Не боитесь за свою печень?

Так, значит, у него печень не в порядке. Спроецировался, как сказали бы психологи. Если бы у него был гастрит или язва, он бы спросил про желудок. У кого что болит, тот о том и говорит.

– Боюсь, – кивнула Настя, ничуть при этом не покривив душой. Острое копченое мясо с острым же соусом действительно внушало ей страх. – Но ничего не могу с собой поделать, люблю острое.

Тут уж она солгала. Острое она не любила. Именно потому, что боялась приступов гастрита. Но в этой забегаловке диетпродукты в меню предусмотрены не были, а послать Павла через весь зал к стойке нужно было обязательно.

– Я честно отслужил, теперь рассказывайте.

«О, у него и юмор прорезался! Семимильными шагами движемся по пути прогресса. Ох, не к добру это», – подумала Настя.

– Понимаете, Павел Дмитриевич, ошибка большинства людей состоит в том, что они пытаются оценивать суть сказанного. Человеку скажешь что-нибудь, а он начинает прикидывать, правда это или нет. Это неправильно.

– Да ну? А как правильно?

– Сейчас объясню. Оценивать нужно не слова, а факты. Человек сказал вполне конкретную фразу, и правда состоит в том, что он счел нужным ее сказать. Понимаете разницу?

– Не совсем.

– Тогда покажу на примере. Вы общаетесь с женщиной, ухаживаете за ней, или она за вами ухаживает, и вот она вам говорит, что любит вас. Вы, как и подавляющее большинство мужчин, пытаетесь понять, правду она говорит или лжет. Занятие пустое и бесперспективное. Посмотрите на это с другой стороны. В данной конкретной ситуации эта женщина сочла нужным и правильным сказать вам, что любит вас. Постарайтесь додуматься, почему она это сказала. Мотивы, лежащие в основе ее поступка, и будут правдой. Правда в данном случае состоит в том, что ей нужно, чтобы вы думали, будто она вас любит. Зачем ей это нужно? Чтобы расположить вас к себе и чего-то от вас добиться. Разжалобить вас. Вынудить вас уложить ее в постель. Заставить вас совершить какое-то действие в ее пользу. Или, наоборот, не совершать чего-то. Спектр мотивов, которые могут лежать в основе ее поступка, очень богатый, и ваша задача – правильно этот мотив определить. Еще раз подчеркиваю, совершенно неважно, любит

ли она вас на самом деле. Важно только то, что она считает нужным при определенных обстоятельствах вам об этом сказать. Теперь понятно?

– Оказывается, вы не только прожорливы, но и циничны, – усмехнулся Сауляк. – Впечатляющий набор душевных качеств.

– Я не циничная, а просто трезвомыслящая, – возразила Настя. – Давайте рассмотрим другой пример. Мы с вами знакомы уже два дня. За эти два дня вы не баловали меня пространными беседами, задали мне минимальное количество вопросов, а на мои вопросы отвечали скупой и односложно. Вы думаете, я из этого сделаю вывод, что вы вообще человек неразговорчивый, неконтактный и необщительный? Да ничего подобного. Дура бы я была, если бы так подумала.

– А какой вывод вы сделали?

– Я решила, что вы хотите произвести на меня впечатление замкнутого и неразговорчивого человека. И теперь моя задача – понять, зачем вам это нужно. Если я это пойму, значит, я узнаю правду.

– И у вас есть варианты?

На лице Павла проступила заинтересованность. Не напускная, а самая настоящая.

– Масса. Вариант первый. Я вам категорически не нравлюсь, я чем-то вас очень сильно раздражаю, и вы просто хотите поменьше со мной общаться. Хотите, чтобы я не приставала к вам с разговорами и с дурацкими вопросами. Вариант второй. Вы не имеете ничего против меня лично, но вы плохо себя чувствуете и вам трудно разговаривать. Вы не хотите жаловаться на нездоровье, поскольку я вам человек совершенно посторонний, а ваше хорошее воспитание плюс мужская гордость не позволяют вам жаловаться посторонней женщине на недомогание. Вариант третий. Вы хотите меня спровоцировать, раздражить меня своей сухостью, уклончивостью и загадочностью и заставить вспылить и потерять над собой контроль. Этот вариант может быть верен в том случае, если вы мне не доверяете и считаете, что я вас обманываю, что я не та, за кого себя выдаю, и от меня исходит какая-то опасность. Вариант четвертый. Вы действительно молчаливая бука. Есть еще пятый, шестой и седьмой варианты. Но я полагаю, что изложенного вполне достаточно, чтобы вы поняли основную мысль. Важны не слова, а стоящие за ними мотивы и побуждения.

– И в каком же варианте, по-вашему, кроется правда?

Лицо его как-то неуловимо изменилось, но Настя никак не могла понять, что с ним произошло. То ли его действительно заинтересовал разговор, и маска холодного безразличия незаметно сползла, уступив место обычному любопытству. То ли он умело притворяется, чтобы она не заметила ту, другую происшедшую с ним перемену. А может быть, один из названных вариантов оказался слишком близко к правде, которую он хотел бы скрыть, и его это испугало?

– Еще не знаю, – как можно беззаботнее ответила она. – Для того чтобы это выяснить, надо или достаточно долго наблюдать за вами, или проводить какие-то специальные проверочные действия. Я этим заниматься не буду. Мое дело – доставить вас по назначению. А копаться в вашей душе мне неинтересно.

– Если следовать вашему методу, то я должен именно так подходить к вопросу о вашем образовании? То вы мне заявляете, что вы – актриса, то утверждаете, что закончили физмат. Следует ли из этого вывод, что вы меня дезинформируете специально, чтобы заставить поломать голову?

– Это только один вариант. У вас что, других нет?

– Вы глупы и неопытны и не запоминаете собственную ложь.

– Браво! Что еще?

– Вы действительно актриса, но когда-то учились на физико-математическом факультете.

– Вы способный ученик, Павел Дмитриевич. Примите мои комплименты. И где же правда?

– По крайней мере у меня есть возможность это выяснить без больших трудозатрат. У вас есть карандаш или ручка?

Настя открыла сумку и протянула ему шариковую ручку. Павел вытащил из пластмассового стакана салфетку и написал на ней длинное уравнение.

– Пожалуйста, продемонстрируйте свое знание математики, – сказал он, протягивая салфетку Насте.

Она быстро просмотрела длинный ряд символов и цифр, потом взяла ручку, зачеркнула один символ и написала над ним другой.

– Насколько я понимаю, ваш пример должен выглядеть вот так. Это же задачка из книги Поля «Математика и правдоподобные рассуждения», верно? Я ее сто раз решала. Так что, записывать ход рассуждений или на слово поверите?

– Поверю. – Сауляк взял салфетку, скомкал ее и сунул в пепельницу. – Теперь осталось проверить, действительно ли вы актриса.

– Ну, это уже сложнее, – рассмеялась Настя. – Поскольку вы по образованию технарь, то вопрос с математикой решился просто. А как вы намерены проверять мое актерское мастерство?

– Я подумаю. Если вы наелись, может быть, пойдем?

Понятно. Здесь нет того, кого он ищет. Сейчас он поведет ее еще куда-нибудь.

– Куда? – невинно спросила она. – На улице тридцать градусов мороза. Вы что же думаете, я силой своего актерского таланта могу заставить себя умирать от жары в такой холод? Мне даже система Станиславского не поможет.

– Пойдем еще куда-нибудь. Мне здесь надоело. Найдем другое заведение.

Они поднялись, застегнули куртки и стали пробираться к выходу. Двое из «Волги» тоже засобирались. У них оставалось еще по полкружки пива, и Настя краем глаза видела, как они допивали янтарную жидкость огромными торопливыми глотками. А что, не пропадать же добру, коль уплачено.

После жаркой душной пивнухи стоящий на улице мороз показался Насте приятной свежей прохладой. Они прошли буквально несколько метров, она даже не успела начать мерзнуть в полное удовольствие, когда Павел шагнул в сторону и толкнул дверь еще одного заведения. Это тоже оказался бар, но уже не пивной. Здесь обстановка была куда более цивилизованная, и потише, и почище, и даже было где куртку повесить. Народу, правда, тоже было немало, но им удалось найти свободный столик.

– Зачем мы сюда пришли? – с недоумением спросила Настя, когда они уселись. – Вы же не пьете ни кофе, ни спиртное. А здесь, кроме алкоголя и кофе, ничего нет.

– Можно взять сок. А вы кофе любите, вот и пейте на здоровье. И кампари здесь есть.

– Вы что, решили сделать мне приятное?

– Не хочу пользоваться вашими бескорыстными одолжениями. Вы честно рассказали мне про то, как отличить правду от лжи, и я должен с вами расплатиться, если уж не деньгами, то хотя бы тем, что буду потакать вашим желаниям.

– Пашенька, вы – прелесть, – расхохоталась Настя.

На его лице впервые за два дня мелькнуло какое-то слабое подобие улыбки.

– Я оценил ваши самоотверженные усилия по моему спасению и раскаялся. Не хочу, чтобы вы считали меня неблагодарным. Я действительно признателен вам за то, что вы приехали меня встретить, хотя, может быть, это не очень заметно. Что вам принести?

– Кофе, пирожное и martini. Если martini нет, тогда кампари.

Она протянула ему несколько купюр.

– И не забывайте о себе. Я понимаю, вас коробит от того, что я каждый раз даю вам деньги, но вам придется с этим смириться. Просто помните, что это не мои деньги, а моего нанимателя. И платит он их не мне за красивые глаза, а фактически вам. Вы ему нужны, и

он готов на это потратить неограниченные суммы. Так что вы имеете на эти деньги такие же права, как и я.

Он слегка кивнул и отошел. Настя не спускала с него глаз. Так и есть, он снова начал оглядываться, при этом смотрел не столько на вход, сколько на дверь служебного входа. Совершенно точно, он кого-то ищет. Кого-то, кто, по его представлениям, должен работать в районе этой улицы в недорогом заведении. Бармен? Мойщик посуды? Кулинар? Швейцар? Официант? Грузчик? Или кто-то из хозяев? Любопытно, много ли на этом проспекте подобных заведений. Так и придется ходить из одного в другое? Черт знает что. Ничего не попишешь, надо делать вид, что она верит в его благородные порывы. Нельзя быть слишком умной и не в меру наблюдательной. То, что она ему демонстрирует, пока вполне укладывается в особенности мышления человека с математическим образованием. Вот в этих рамках и надо держаться.

Павел вернулся, и Настя сразу поняла: что-то случилось. Лоб его снова был в испарине, губы сжаты в узкую полоску, глаза полузакрыты. Нашел, что ли?

Ей он принес чашку кофе, эклер и стакан с мартини, себе – бутылку пепси-колы. Принимая у него из рук чашку, она случайно коснулась его пальцев. Они были ледяными.

– Пашенька, мне начинает нравиться ситуация, когда вы демонстрируете мне свою благодарность, – произнесла она как ни в чем не бывало. – Что еще я должна сделать, чтобы вы продолжали оставаться таким же милым?

Он не ответил. Теперь Сауляк снова сидел, скрестив руки на груди и закрыв глаза. Лицо опять стало сероватым и болезненным, как недавно в гостинице.

– Павел Дмитриевич, вы меня слышите? Вам нехорошо?

Он медленно поднял веки и отрицательно покачал головой.

– Я в порядке.

– Вид у вас совсем больной. Что с вами?

– Я же сказал, я в порядке.

Опять-снова-сначала! Только что был вполне нормальным собеседником, даже шутить начал, еще немного – и улыбаться бы стал. И вдруг такая перемена. Руки его сжались в кулаки с такой силой, что костяшки побелели и, казалось, вот-вот должны были прорвать тонкую кожу.

– Ну как хотите, – пожала плечами Настя, надкусывая эклер. – Будете продолжать строить из себя принца в изгнании?

Сауляк маленькими глоточками отпивал из стакана пепси-колу, уставившись невидящими глазами куда-то в угол зала. Настя обернулась, но ничего интересного не увидела. Она поймала себя на мысли, что даже забыла поинтересоваться преследователями. Два дня показали, что Сауляк был прав: тактику она избрала правильную. Кардинальных мер к ним применять не будут, по крайней мере пока. Но что их ждет в Москве – неизвестно. Поэтому расслабляться нельзя, нужно играть в затеянную ею игру до победного конца, до того момента, пока она не сдаст Павла с рук на руки генералу Минаеву.

– Вы правы, – внезапно он поставил стакан на стол и поднялся. – Мне действительно нехорошо. Мне нужно выйти.

– На воздух?

– В туалет. Вы можете быть спокойны, я никуда не сбегу. Если меня не будет слишком долго – не волнуйтесь, это со мной бывает.

– Я не могу отпустить вас одного.

– Я же сказал – я никуда не денусь.

– А ваши доброжелатели? Или вы о них забыли?

– Возьмите их на себя. Вы же считаете себя великой актрисой.

Настя видела, что ему действительно плохо. И понимала, что, как только они расстанутся, он может стать очень уязвимым. Что же делать? Конечно, можно встать возле входа в туалет, но, если эти парни захотят туда войти, она не сможет их остановить.

– Идите, – кивнула она, вставая.

Они вместе дошли до выхода из зала. Павел вышел в холл и пошел по направлению к туалету, а Настя повернулась и подошла к столику, за которым сидели двое из серой «Волги».

– Ребята, дайте выиграть тысячу долларов, – заявила она, плюхнувшись на свободный стул и без разрешения вытаскивая сигарету из лежащей на столе пачки.

– Простите? – вздернул брови мужчина постарше, который вчера возле колонии сидел в машине на пассажирском месте.

Второй, помоложе, щелкнул зажигалкой и дал ей прикурить. Глаза его при этом были прикованы к двери, из которой только что вышел Сауляк.

– Пашка утверждает, что видел вас вчера в Самаре, причем несколько раз, и что вы летели в одном самолете с нами. А я говорю, что у него мания преследования. Понимаете, – она понизила голос и глупо хихикнула, – он немножко не в себе, ему всюду крысы мерещатся. В общем, мы поспорили на тысячу долларов, что он вас там не видел.

– Конечно, не видел, – быстро произнес мужчина постарше. – Мы в Самаре не были, ему показалось.

– Ага, мы местные, – подтвердил второй.

– Ну вот и я о том же. Говорю ему, чтоб лечился, а он ни в какую. Думает, я хочу его в дурдом запихнуть. Думает, мне его деньги нужны. А зачем мне? У меня своих миллионов выше крыши, не знаю, куда их девать. Кстати, дружочек, – она полезла в сумку, вытащила кошелек и протянула младшему купюру, – пойдика принеси мне выпить. Сдачу можешь оставить себе за хлопоты. Возьми мартини, только смотри, не сухой, а «бьянко». Не перепутай, детка.

– Пашка – это ваш муж? – осторожно полюбопытствовал старший.

– Обьелся груш, – фыркнула Настя.

Ответ был пошлым, но в данной ситуации единственно правильным. Ни да, ни нет – понимай как хочешь.

– И давно он у вас такой подозрительный?

– А черт его знает, – она сделала выразительный жест рукой. – Я его два года не видела, он срок мотал. Только вчера освободился. Слушай, отец, а птенчик у тебя миленький. Воспитанный такой, вежливый. Я б ему отдалась, пожалуй. Сколько ему лет?

– Двадцать шесть.

– У-у-у, – разочарованно протянула она, – для меня староват. Я думала, ему лет девятнадцать-двадцать. Старше двадцати мне уже не годится.

– А вам самой-то сколько? – не сдержал усмешку ее собеседник.

– Много, отец. Почти столько же, сколько тебе. Тебе ведь под сорок, верно? Вот и мне столько же.

«Птенчик» вернулся и поставил перед ней стакан с напитком. Настя отхлебнула и скорчила удовлетворенную мину.

– То, что надо. Спасибо, детка. Короче, ребята, я на вас полагаюсь. Если он опять начнет зудеть, я вместе с ним к вам подойду, вы уж подтвердите, что ему привиделось, лады? А то он мне своей манией преследования всю плешь проел.

– Конечно, – закивали оба. – Подтвердим, не сомневайтесь.

Павел все не возвращался, и Настя начала нервничать. У нее больше не было повода задерживаться за их столиком, но, пока они с ней разговаривали, она по крайней мере могла быть уверена, что они не кинутся его искать.

– Слушай, дружочек, – обратилась она к «птенчику», – а тебе сколько лет? Правда, что ли, двадцать шесть?

Он в изумлении уставился на нее, потом перевел взгляд на старшего компаньона.

– Наша гостья сказала, что ты ей очень нравишься, только вот возраст твой ее смущает.

– Между прочим, гостью зовут Анастасия, – вставила Настя. – А тебя, детка? Давай уж познакомимся ради такого случая.

– Ради какого случая? – тупо переспросил тот.

– Ради выигрыша в тысячу долларов. Так как тебя зовут-то?

– Сережа, – растерянно произнес он, запинаясь. – А его – Коля.

– А про него я не спрашивала, – ласково сказала она. – Куда ж ты, птенчик, поперед старших-то лезешь, а? Он уже большой, сам свое имя скажет, если захочет или если я спрошу.

Она все-таки втянула их в разговор, изображала вульгарную, не особенно трезвую и слегка сумасшедшую бабу, гладила Сережу по руке и похабно подмигивала Николаю, таскала сигареты из их пачки и внутренним метрономом отсчитывала минуты. Где Павел? Почему его нет так долго?

Она почувствовала, что ее собеседники, преодолев первую оторопь, сумели перестроиться и теперь пытаются получить ответ на вопрос: кто она такая? Она подбрасывала им информацию, не имеющую ничего общего с действительностью, старалась изо всех сил окончательно заморочить им голову, не давая прервать разговор и ощутить нарочитость ее присутствия за их столиком. Наконец в проеме двери появился Павел.

– О! – Она тут же отдернула пальцы от ладони «птенчика» Сережи. – Пашка явился. Все, ребята, счастливо. Приятно было познакомиться.

На Павла было страшно смотреть. Казалось, он даже двигался с невероятным трудом.

– Что, совсем плохо? – обеспокоенно спросила она.

Он кивнул.

– Уходим?

– Да, наверное, так будет лучше.

Они даже не стали возвращаться к своему столику, где стояла чашка с недопитым кофе и стакан с остатками мартини. Подошли к вешалке, взяли куртки и вышли на улицу.

– Мы можем взять машину? – спросил Сауляк каким-то сдавленным голосом.

– Конечно. Они за нами гнаться не будут. Они вообще постараются теперь держаться от нас подальше и близко не подходить.

Настя подошла к краю тротуара и подняла руку. Через пару минут возле них притормозила машина.

– В аэропорт, – сказала она, наклоняясь к опустившемуся стеклу.

– Сколько?

– Сколько скажешь. Я не местная, тарифов не знаю.

– Пятьдесят «зеленых».

– Хорошо.

Она села впереди, рядом с водителем, Сауляк устроился сзади. Всю дорогу они ехали молча. Так же молча вышли из машины, подошли к гостинице и поднялись на свой этаж. И, только оказавшись в номере, Настя дала себе волю.

– Может быть, пора заканчивать эти детские игры? – зло спросила она, глядя, как Павел негнушимися пальцами пытается справиться с застежкой на своей куртке. – Что с вами происходит, Павел Дмитриевич? Я должна довести вас до Москвы, а вы того и гляди концы отдадите прямо у меня на руках. Почему вы не хотите мне сказать, чем вы больны и как вам помочь, если вам станет хуже?

Его взгляд снова убегал от нее. Он так и не начал смотреть ей в глаза, даже в те минуты, когда разговаривал вполне дружелюбно. Наконец ему удалось справиться с застежкой, он разделся и не говоря ни слова лег на кровать.

– Или вы немедленно скажете мне, в чем дело, или я вызываю «неотложку». Мне вовсе не улыбается перспектива привезти в Москву ваш хладный труп.

– Не беспокойтесь, – тихо сказал он, не открывая глаз, – со мной ничего не случится. Скоро все пройдет. У меня уже ничего не болит.

– А что болело?

– Ничего. Я же сказал: не беспокойтесь. Все будет нормально, я вам обещаю.

– Что-то слабо верится, – откликнулась она уже спокойнее. – Вам правда уже лучше? Не обманываете?

– Нет.

Было уже совсем поздно, пора было ложиться спать, но Насте почему-то казалось, что, как только она погасит свет, с Павлом непременно что-нибудь случится. Она сняла сапоги и свитер и забралась под одеяло в джинсах и в майке.

– Почему вы не выключили свет? – спросил он.

– Чтобы видеть вас. По крайней мере, я не пропущу момент, когда вам станет хуже.

– Не станет, я же вам сказал. Выключайте свет и спите. Вам надо отдохнуть.

– Ах ты Боже мой, какая забота, – буркнула она, закутываясь в одеяло.

– Выключите свет. Пожалуйста, – попросил он.

Было в его тоне что-то такое, что заставило Настю послушно встать и щелкнуть выключателем. Теперь комната освещалась только светом фонарей и прожекторов, горящих на улице и аэродроме. Заснешь тут, пожалуй, с раздражением подумала она. Самолеты режут прямо над головой, а на соседней кровати – тяжело больной человек. Обстановочка для здорового отдыха самая что ни на есть подходящая.

Павел лежал так тихо, что Настя постепенно стала успокаиваться. Когда у человека что-то болит, он обычно не может лежать неподвижно, крутится с боку на бок, пытаясь найти положение, в котором боль будет не так ощущаться. Ей удалось немного расслабиться, и поскольку она понимала, что заснуть в таком грохоте все равно не сможет, то попыталась хотя бы мысли привести в порядок. Она методично, минуту за минутой мысленно проживала минувший день, вспоминая каждое слово Павла, каждый его жест, каждый взгляд. Что нового и ценного она сумела узнать о нем сегодня?

– Настя, – донеслось до нее с соседней кровати.

Она подпрыгнула как ужаленная. За двое суток он впервые назвал ее по имени. Видно, совсем его припекло. Знать бы только, что именно.

– Да, я здесь, – откликнулась она так же тихо.

– Ты не спишь?

– Нет.

– Посиди со мной.

Уже и на «ты»! Эх вас разобрало, Павел Дмитриевич. Что же с тобой происходит, хотелось бы знать.

Настя торопливо откинула одеяло и села на край его кровати. Ледяные пальцы коснулись ее ладони.

– Тебе холодно? – заботливо спросила она. – Почему ты не укроешься одеялом?

– Не надо, все нормально. Просто посиди со мной.

– Хорошо, конечно.

Она легко сжала его пальцы, но уже через секунду Павел высвободил их из ее руки. Минуты шли, Настя начала мерзнуть, но не смела пошевелиться. Она совершенно не понимала, что происходит, но знала точно, что нельзя нарушать то хрупкое равновесие доверия-отчуждения, которое вдруг воцарилось между ними.

– Будь я проклят, если я когда-нибудь обижу тебя, – внезапно произнес Павел громко и отчетливо.

Настя с трудом сдержалась, чтобы ничего не сказать в ответ. Только нашла в темноте его руку и легко погладила холодные пальцы.

– Ложись, – сказал он уже тише. – Не обращай на меня внимания, я несу всякий бред. Ложись.

Она молча встала и перешла на свою кровать. До самого утра он больше не произнес ни слова.

* * *

Около восьми утра ожил и захрипел стоящий на шкафу радиоприемник, подключенный к трансляционной сети аэропорта.

– Внимание! Пассажиры рейса 726, следующего по маршруту Самара – Екатеринбург, просят пройти в здание аэропорта на регистрацию. Повторяю. Начинается регистрация билетов и оформление багажа пассажиров, следующих рейсом 726 Самара – Екатеринбург. Вылет рейса в десять часов пятьдесят минут.

Они быстро вскочили и начали собираться.

– Как вы думаете, у меня есть время принять душ? – спросил Павел.

Ого, опять на «вы». Застеснялся собственной слабости, проявленной вчера вечером? Это бывает. Что ж, решила Настя, не будем упираться, пойдем у него на поводу.

– Вполне, – разрешила она. – Минут двадцать в вашем распоряжении.

Он прошел в ванную, но дверь опять не запер. Вышел он минут через пятнадцать, чисто выбритый, и выглядел более чем удовлетворительно. Во всяком случае, глядя на него, никто не сказал бы, что накануне этот человек перенес сильный приступ какой-то болезни.

Дальше все пошло на удивление гладко. Самолет действительно вылетел из Уральска в одиннадцать часов, а около половины второго они уже получили новые паспорта и билеты на рейс Екатеринбург – Волгоград. Поздно вечером, поднявшись на борт самолета, который должен был доставить их из Волгограда в Москву, Настя немного перевела дыхание: кажется, все идет без сбоев. Вокруг не было ни одного знакомого лица, даже Короткова не видно. Это правильно, Сауляк не должен сомневаться в том, что им удалось оторваться, а ведь Юру она выдавала за одного из преследователей.

– Ну вот, Павел Дмитриевич, – сказала она, когда стюардесса объявила, что самолет пошел на посадку, – осталось последнее усилие – и все закончится.

– Нас будут встречать в аэропорту?

– Боюсь, что нет. Мне придется довести вас до места самой.

– Уже ночь, транспорт не ходит. Или за два года вы в Москве эту проблему решили?

– В аэропорту должна быть машина на стоянке.

– Может быть, вы хотя бы теперь скажете мне, к кому вы меня везете?

– Не могу, – она покачала головой. – А вдруг вам это не понравится? Сбежите еще. Обидно же, когда после стольких мытарств я вас потеряю на последних метрах дистанции. Доедем – сами увидите. По крайней мере, вы можете быть уверены в том, что этот человек не вынашивает гнусный замысел избавиться от вас, иначе он не стал бы пытаться помешать тем, кто хочет это сделать. Так что на ближайшую перспективу жизнь вам гарантирована.

– Очень обнадеживающе, – усмехнулся он. – Дайте руку.

– Зачем? – удивилась она. – Гадать будете?

– Помогу вам. Вы же плохо переносите снижение.

– Откуда вы знаете?

– Это очень заметно. Мы же не в первый раз летим с вами в самолете. Давайте руку, не бойтесь.

Настя послушно протянула ему руку. Пальцы у Павла оказались на этот раз теплыми. Он двумя руками ошупал ее кисть, нашел какую-то точку и сильно нажал. В первый момент Настя вздрогнула от боли, но уже в следующую секунду почувствовала, что дурнота стала отступать.

Сауляк не выпускал ее руку из своих ладоней, и она с удивлением поняла, что его странные манипуляции дают хороший эффект. Даже тяжесть, давящая на уши, прошла. Она прикрыла глаза и расслабленно откинулась на спинку кресла. Руки и ноги налились тяжестью, она не спала уже третью ночь подряд и теперь ощутила это в полную силу. Дремота сковала ее, стало тепло и спокойно, и Насте захотелось, чтобы это никогда не кончалось. Так и сидела бы в кресле, согревшаяся, спокойная и расслабленная, и не беспокоилась ни о чем...

– Подъем, – услышала она голос Павла у себя над ухом. – Мы прилетели.

– Господи! – испугалась она. – Я что, уснула?

– Еще как. Даже стонали во сне.

– Но хотя бы не разговаривала?

– Разговаривали. И выболтали мне все свои секреты.

Настя понимала, что он шутит, но лицо его при этом было на удивление серьезным и даже каким-то сердитым. Черт возьми, она ухитрилась уснуть, находясь в нескольких сантиметрах от источника повышенной опасности, которым не без оснований считала своего попутчика! Ничего себе! Непростительно.

Пассажиры уже выходили на трап, а у нее не было сил подняться. Павел тоже не вставал, по-прежнему держа ее за руку. Она заставила себя встряхнуться.

– Пошли, – решительно сказала Настя, вставая с кресла.

На стоянке возле здания аэропорта она нашла машину, которую сама же поставила сюда несколько дней назад. Слава Богу, в эти дни в столице стояла мягкая погода без сильных морозов, и автомобиль удалось открыть и завести без особых мучений.

Ехали молча. Настю грызло неприятное чувство, что ее использовали как пешку в чьей-то игре. Ведь она так и не смогла выяснить, что представляет собой этот Павел Сауляк и кто и зачем за ним гонялся. Правда, такое задание перед ней и не ставили. Генерал Минаев прекрасно знал это и без нее, а ее, Анастасию Каменскую, просто использовал втемную, как дармовую рабочую силу, воспользовавшись личной дружбой с одним из руководителей МВД и попросив его организовать вывоз Сауляка из Самары и доставку его в Москву.

В три часа ночи шоссе, соединяющее аэропорт с городом, было пустынным. После поста ГАИ ей нужно было проехать мимо автобусной остановки, и через триста метров их должна ждать машина. Так и есть, вот она, «Мерседес», стоит с включенными огнями. Настя притормозила и тихонько подкатилась вплотную к «Мерседесу». Из темноты ей навстречу шагнул человек и открыл дверь с той стороны, где сидел Павел.

– Выходите, Павел Дмитриевич, – сказал он.

Тот не пошевелился, даже голову не повернул.

– Настя, – произнес Сауляк негромко.

Это был второй раз, когда он назвал ее по имени.

– Да?

– Спасибо вам.

– Не за что. Я старалась.

– Не забывайте то, что я вам говорил. До свидания.

– До свидания, Павел.

Он вышел, аккуратно закрыв дверь, и пошел к «Мерседесу», но, сделав несколько шагов, внезапно остановился. Насте показалось, что он хочет сказать что-то еще. Она быстро открыла дверь и выскочила из машины. Их разделяло каких-нибудь три метра. В темноте ей плохо было видно выражение его лица, но одно она знала точно – он смотрел ей в глаза. И снова ее окатило жаркой волной, она почувствовала себя мягкой и податливой, как плавящийся воск.

Сауляк слегка кивнул ей, потом резко повернулся и сел в машину. Хлопнули дверцы, заурчал двигатель, «Мерседес» быстро набрал скорость и скрылся из виду.

Настя села за руль, но никак не могла заставить себя начать движение. Она чувствовала себя совершенно обессиленной.

Часть II

Операция «Стелла»

Глава 5

Антон Андреевич Минаев привез Павла к себе на дачу. Дом у него был теплым, любовно обустроенным и удобным, сам Антон Андреевич с удовольствием жил бы в нем круглый год, если бы не жена и дочка, которым больше нравилась городская квартира и которые были в общем-то равнодушны к прелестям загородной жизни.

– Вы, наверное, устали и хотите отдохнуть, – сказал Минаев гостю, отперев дом и включив отопление. – Располагайтесь, не смотрите, что здесь холодно, через час станет жарко. А разговоры отложим на потом.

– Я предпочел бы поговорить прямо сейчас, – сухо ответил Сауляк. – Лучше сразу прояснить ситуацию. Не исключено, что вам не захочется предлагать мне свое гостеприимство.

– Что ж, если вы настаиваете... – развел руками Минаев, в глубине души обрадовавшись. Действительно, лучше объясниться сразу и снять груз с плеч. – Тогда я поставлю чай, разговор нам с вами предстоит долгий.

Он заварил свежий крепкий чай, поставил на стол сахар, варенье и вазочку с конфетами, нарезал сыр и хлеб, которые предусмотрительно привез с собой: гость с дороги наверняка голоден.

– Вы меня знаете? – спросил он Павла, когда с приготовлениями было покончено.

– Вы – полковник Минаев, если не ошибаюсь. Или уже генерал?

– Генерал, – подтвердил Антон Андреевич. – И вы, наверное, знаете, что я много лет работал с Булатниковым, дослужился до его заместителя.

– Да, – кивнул Сауляк. – Я знаю.

– Тогда вы должны понимать две вещи. Первое: я знаю, кто вы и чем занимались. И второе: мне безразличны обстоятельства гибели Булатникова, и я хочу в них разобраться. Для этого мне нужны вы, Павел Дмитриевич. Скажу больше: я подозреваю, что те, кто убрал Владимира Васильевича, приложили руку и к тому, чтобы лишить вас свободы, упрятать в зону, навесив вам срок.

– Тут вы ошибаетесь, – едва заметно усмехнулся Павел. – В зоне я оказался вполне самостоятельно, по собственной вине и по собственному желанию.

– И чего же было больше, вины или желания?

– Одно вытекало из другого.

– Понятно, – задумчиво протянул Минаев. – Это несколько меняет дело. Но, впрочем, не кардинально.

Тут генерал покривил душой. Он очень рассчитывал на то, что сможет пробудить в Павле жажду отомстить тем, кто его засадил. Но коль об этом речь не идет, то все меняется, и очень сильно. Захочет ли Сауляк разбираться с теми, кто убил Булатникова? Вряд ли. Если бы у него такое желание было, он не стал бы прятаться в зону, а вместо этого выкопал бы из земли топор войны и разобрался бы с противником. Но он этого не сделал, и очень, очень маловероятно, что спустя два года ему, Минаеву, удастся разжечь огонь мщения. Эмоции, даже самые праведные, имеют неприятное обыкновение остывать.

– Какое задание Булатникова вы выполняли перед тем, как он погиб?

– Вы же прекрасно знаете, что я вам этого не скажу, – спокойно ответил Сауляк.

– Но вы не можете не понимать, что его убийц надо искать среди тех, с кем был связан Владимир Васильевич в последнее время перед смертью. Вы отказываетесь помогать мне?

– Считайте, что так. Булатников был связан с великим множеством сильных и влиятельных людей, и любой из них мог организовать его смерть. Ваша затея бессмысленна и бесперспективна.

– Я так не считаю, – горячо возразил генерал. – Я много лет работал с Булатниковым, и я просто обязан узнать правду о его смерти и восстановить справедливость. Это мой долг, понимаете? Долг ученика, сотрудника, помощника.

Павел молчал, не спеша прихлебывая ароматный горячий чай. Он не притронулся к еде, только положил в чашку немного варенья. Генерал подумал, что если нельзя зацепить его на жажде отомстить, то можно попытаться сыграть на страхе. А если и это не получится, то в запасе остается еще чувство благодарности. Но Минаев должен во что бы то ни стало заставить Сауляка сотрудничать с ним. Для того чтобы осуществить то, что он задумал, ему нужен Павел и никто другой. Никто, кроме Павла, этого сделать не сможет.

– Вы знаете, почему я организовал вашу охрану? – спросил он.

– Догадываюсь. Кроме женщины, которую вы прислали, около меня крутились еще четверо. Кстати, кто они?

– Вы ставите меня в сложное положение, Павел Дмитриевич, – тонко улыбнулся Минаев. – Я, безусловно, раскрою вам все карты, если мы с вами будем сотрудничать. Но если вы безразличны к судьбе Булатникова и не хотите мне помогать, то я просто не имею права рассказывать вам все. У меня ведь тоже есть свои профессиональные секреты.

– Вашим секретам цена невелика. И без того понятно, что люди, которым Булатников оказывал услуги, теперь боятся огласки. У Владимира Васильевича была обширная агентура, но определенного рода задания он поручал только мне. Вот я им и понадобился, чтобы не болтал лишнего. Даже странно, что их оказалось так немного. У ворот колонии, которую я покинул, могло собраться пол-России, я бы не удивился. Если вы не хотите сказать мне, кто конкретно заинтересовался моей персоной, – не надо, не говорите. Для меня от этого мало что меняется. Все равно я буду знать, что кто-то меня преследует, а кто именно – не суть важно, потому что меры безопасности будут одними и теми же.

– Значит, вы совсем не боитесь?

– Почему, боюсь. Но это не означает, что я от страха кинусь рассказывать вам о делах Владимира Васильевича. Вы были его заместителем и учеником, и вы должны и без моих рассказов знать достаточно много. А если вы чего-то не знаете – значит, этого хотел Булатников. Вы знаете ровно столько, сколько он позволил вам знать, и нарушать его волю я не хочу.

– Я мог бы предоставить вам безопасное убежище, – заметил Минаев.

– Спасибо. Чем я должен буду за это заплатить?

– Помогите мне найти убийц Булатникова. Павел Дмитриевич, поверьте, для меня это важно, очень важно. Здесь нет никакой политики, это чисто человеческое. И потом, я не хотел вам говорить, но... Видите ли, кое-что я действительно знаю. Вероятно, Владимир Васильевич скрывал от меня какие-то факты и обстоятельства, но уверяю вас, очень немногие. Я знаю, чем занимались конкретно вы и ваша группа, которую вы курировали. Может быть, повторяю, я знаю не обо всех ваших заданиях, но даже того, что мне известно, вполне достаточно, чтобы доставить вам кучу неприятностей. Я не собираюсь этого делать, я не хочу умышленно причинять вам зло, но, если вы откажетесь помогать мне, боюсь, я буду вынужден предать огласке кое-какие факты. Повторяю, не для того, чтобы навредить лично вам, а для того только, чтобы уничтожить тех, на чьей совести жизнь Булатникова.

– Элегантный шантаж? Это не делает вам чести, генерал.

– А мне наплевать на мою честь, майор. Да-да, я знаю, кем вы были до того, как стали агентом Булатникова. И знаю, что в те времена, когда вы носили майорские погоны, у вас была

другая фамилия. И знаю, при каких обстоятельствах вы лишились звания и должности. Так вот, майор, мне наплевать на мою честь, если я вынужден буду жить с сознанием того, что убийцы моего учителя, друга и командира ходят на свободе. Вам понятно? Само это обстоятельство уже не делает мне чести. Я офицер и мужчина, если эти слова вообще что-то вам говорят.

– Тогда я вынужден констатировать, что вы лжете, Антон Андреевич. Если вы знаете обо мне так много, то вы непременно должны знать, кто убил Булатникова. Я не верю в то, что вы этого не знаете.

Минаев умолк, сосредоточенно размешивая ложечкой сахар в чашке. Потом поднял на Сауляка глаза, которые стали почему-то темными и бездонными.

– Да, Павел Дмитриевич, я лгал. Я знаю, кто это сделал. И я хочу, чтобы вы помогли мне уничтожить этих людей. Видите, я раскрыл перед вами все карты. Я хочу не просто стереть этих людей с лица земли, я хочу, чтобы имя их было покрыто несмываемым позором.

– Я понял вас, – кивнул Павел. – Но я не разделяю ваших чувств. Антон Андреевич, давайте будем говорить правду хотя бы сами себе, если мы не можем сказать ее другим. То, что делал генерал Булатников, то, что делали я и мои люди по его указаниям, преступно, и это еще мягко сказано. Нас всех нужно было расстрелять за то, что мы делали. И вас заодно, потому что вы знали об этом и молчали. А теперь вы хотите покарать людей за то деяние, которое сам Булатников совершал неоднократно. Ему, выходит, можно, а им – нет? Двойной счет, двойная мораль? Для вас Владимир Васильевич – командир, друг и учитель. Но для огромного числа людей он – обыкновенный убийца и подонок. Поэтому если вы хотите мстить за его смерть, то это должно остаться вашим сугубо личным делом. Вы не имеете права привлекать к этому делу кого бы то ни было и не имеете права ни от кого требовать помощи.

– Даже от вас?

– Даже от меня.

– Неужели у вас не осталось ни капли теплого чувства к нему? Никогда не поверю.

– Мне не нужно, чтобы вы мне верили. Я вам благодарен за то, что вы прислали человека, который не дал мне сдохнуть в первые же часы пребывания на свободе и довез меня живым до Москвы. Я знаю, что вы потратили на это немалые деньги. Еще раз повторяю, я вам благодарен. Но не требуйте от меня большего.

– Что вы за упрямец! – в сердцах воскликнул Минаев.

Этот Сауляк прямо из рук выскальзывал. А генерал так на него надеялся! Если Павел не поможет, то не поможет никто. И уговорить его нужно во что бы то ни стало.

– Поймите же, – горячо продолжал генерал, – все разговоры про чистые руки – это сказочки для пионеров. Вы сами были кадровым офицером, вы служили в нашем ведомстве, и вы должны отдавать себе отчет, что существует множество целей и задач, решение которых подразумевает различные нарушения морали и этики. Оперативная работа вся с ног до головы вымазана дерьмом, так было, есть и будет. Вы не имеете права упрекать Владимира Васильевича, меня и себя самого в том, что нашими действиями нарушались какие-то нормы и кому-то причинялся вред. Это неизбежно, потому что цель этого требовала. Что толку от того, что вы сейчас начнете рвать на себе волосы и каяться в совершенных грехах? Жизнь этим не изменить. Генерал Булатников совершал все эти поступки во имя социально-одобряемой цели, а те, кто его убил, сделали это из своих собственных шкурных интересов. Неужели вы не видите разницу?

– Значит, так, Антон Андреевич, – сказал Сауляк, не глядя на генерала. – Давайте соображения морали и этики оставим для другого случая. У нас с вами отношения товарно-денежные, и я готов сделать то, что от меня требуется в рамках нашей сделки. Вы обеспечили мою безопасность на пути от колонии до Москвы, вы вложили в это большие деньги, и независимо от того, зачем вы кинулись меня спасать, я должен отплатить вам за это. Далее. Вы еще какое-то время обеспечиваете мою безопасность, снабжаете меня новыми документами и жильем.

Желательно и легендой, чтобы я продержался хотя бы первое время. Иными словами, вы поддерживаете меня на протяжении периода моей адаптации к новым условиям моего существования. За это я делаю для вас то, что вы хотите. Вы хотите поквитаться с убийцами Булатникова? Я готов оказать вам посильное содействие. Еще раз подчеркиваю: я не собираюсь мстить за жизнь Владимира Васильевича, я хочу лишь расплатиться с вами за ту помощь, которую вы мне уже оказали и окажете в будущем. Мы договорились?

Минаев с трудом сдержал вздох облегчения. Ну наконец-то! Он уже начал опасаться, что не сможет найти с этим человеком общего языка.

– Разумеется, Павел Дмитриевич. Мы договорились. И я очень рад этому обстоятельству. В конце концов, я готов признать, что был не прав, когда пытался заставить вас разделить мои убеждения. Мое отношение к Булатникову и его гибели – это действительно мое личное дело, и никто не обязан меня в нем поддерживать. Что ж, предлагаю отдохнуть хотя бы несколько часов, ночь уже на исходе. А завтра начнем, если не возражаете.

Павел молча встал, и по его замкнутому холодному лицу Антон Андреевич понял, что Сауляк не собирается ему отвечать. Для него разговор был окончен.

* * *

Для генерала Минаева было очевидным, что гибель Владимира Васильевича Булатникова – дело рук тех деятелей, в интересах которых он осуществил свою самую грязную и кровавую комбинацию. Минаев знал этих людей поименно, он потратил почти два года на то, чтобы составить их полный список. И теперь, когда имя и фотография одного из них замелькали на экранах телевидения и на страницах газет, Антону Андреевичу стало понятно, что сколоченному этой группировкой криминальному капиталу стало тесно. Они хотят размаха, им масштаб подавай. А для этого нужен «свой» президент, который обеспечит прохождение нужных указов, подписание нужных бумаг и принятие нужных решений «своими» же министрами. Конечно, кроме президента, есть еще Дума, но туда они уже постарались напихать «карманных» депутатов, которые костями лягут, но не допустят принятия неудобных этому капиталу законов. Удачно вышло для этих деятелей, что выборы в Думу и президентские выборы попали на одно полугодие, так им легче реализовывать свой план.

Павел попросил у Минаева три дня на то, чтобы восстановиться.

– Мне нужно купировать обострение холецистита, – объяснил Сауляк, – иначе меня может прихватить приступ в самый неподходящий момент. Кроме того, мне нужно выспаться и немного набраться сил.

Антон Андреевич был готов на все, он с радостью выполнял все условия Павла, только бы тот не сорвался с крючка. Но Павел, похоже, не был склонен к колебаниям после того, как принимал решение.

Через три дня Сауляк сказал:

– Я готов начать работать.

Он выглядел намного лучше, чем тогда, три дня назад, когда впервые оказался на даче Минаева. Цвет лица стал здоровым, правда, слегка бледноватым, но тем не менее телесно-розовым, а не грязно-серым. Он уже не сидел часами в кресле, закрыв глаза и скрестив на груди руки, а расхаживал по дому, гулял по участку, делал гимнастику. Однажды Минаев случайно увидел Павла, когда тот занимался физическими упражнениями, спрятавшись за домом, и поразился, что тот смог отжаться всего пять раз, зато прыгал через скакалку минут двадцать без перерыва и с такой скоростью, что резинового шнура было просто не видно, как ни напрягал глаза Антон Андреевич. Потом он сообразил, что Павел при каждом прыжке прокручивает скакалку дважды, но для того, чтобы проделывать это на протяжении двадцати минут, нужно обладать огромной способностью к концентрации и сильными тренированными кистями рук.

За эти три дня генерал нашел Павлу новую квартиру и раздобыл документы на имя Александра Владимировича Кустова, а также загранпаспорт, в соответствии с которым Кустов только что вернулся в Москву из Бельгии, где прожил два года в браке с очаровательной бельгийкой, но в конце концов несходство характеров пересилило стремление к достатку и комфорту, и Александр Владимирович, мирно расставшись с супругой, возвратился на родину. Двухлетним отсутствием вполне объяснялась некоторая, мягко говоря, неинформированность господина Кустова о том, например, сколько стоит жетон в метро и где теперь продаются талоны для проезда в наземном городском транспорте. Ну и вполне естественно, что после двухлетнего пребывания за границей у человека нет собственного бизнеса и даже места в государственной организации. Правда, деньги у него пока есть, так что какое-то время господин Кустов может себе позволить не работать.

В списке, который заготовил для Сауляка генерал Минаев, было семь фамилий, и имя нынешнего кандидата в президенты стояло в нем первым номером, зато фамилии Чинцова там не было вовсе. Антон Андреевич отбирал только тех, кто был непосредственно завязан на организацию транспортировки оружия и наркотиков, кто лично участвовал в принятии решений, разработке конкретных операций и дележе прибылей. Чинцов в те времена был не более чем мелким прихвостнем, шестеркой на побегушках, которого использовали исключительно по прямому назначению – сплести интригу и реализовать ее. Тогда, три-четыре года назад, с Булатниковым контактировали двое главарей этой шайки, а место Чинцова было в их иерархии, как сказали бы в зоне, «возле параша». Зато теперь, и Антон Андреевич это знал, Чинцов прорвался в команду кандидата в президенты и стал чуть ли не его правой рукой. Более того, Антон Андреевич знал, что это именно Чинцов интересовался Павлом и пытался навести о нем справки через МВД.

– Не хочу ничего от вас скрывать, – сказал Минаев, держа перед собой список кандидатов на уничтожение. – У меня в руках список людей, которые были самым кровавым образом заинтересованы в смерти Владимира Васильевича и которые заставили его умолкнуть навсегда. Но мне стало известно, что эти люди проявили интерес и к вам, Павел Дмитриевич. Они наводили о вас справки в Министерстве внутренних дел, и я не исключаю, что они посылали своих людей в Самару, чтобы вас убить. Вы должны начинать операцию с открытыми глазами, и я не собираюсь заставлять вас играть втемную и попусту рисковать. Для того чтобы выполнить условия нашего с вами договора, вам придется самому сунуться в логово врага, который спит и видит, как бы вас побыстрее заполучить, и от которого я вас с таким трудом спас по дороге в Москву.

Минаеву очень хотелось продолжить фразу и сказать: «Павел Дмитриевич, вам нельзя самому соваться к ним, но ведь у вас была группа, которой вы руководили. Найдите своих людей и подключите их к работе. Люди Чинцова знают вас в лицо, но их-то они не знают. Их вообще не знает никто, кроме вас». Но Антон Андреевич сдержался и ничего такого не сказал. Он боялся провалить с таким трудом начатую операцию, для которой он сам придумал простенькое и ничего никому не говорящее название «Стелла». Латинское слово, в переводе означающее «звезда», не было связано с сутью операции никаким потаенным смыслом. Просто когда-то в молодости Минаев видел на закрытом просмотре один итальянский фильм из жизни городских нищих, мелких воришек и хулиганов, сутенеров и проституток, и там была только одна приличная девушка по имени Стелла. Она была такая невинная, такая искренняя и простодушная на фоне всех этих отщепенцев, подонков и негодяев, что Минаев, тогда еще совсем молодой старший лейтенант, чуть не прослезился от умиления, а потом буквально задыхался от ярости, когда экранный герой заставлял бедную Стеллу идти на панель, чтобы заработать ему на выпивку. С тех пор слово «Стелла» стало для Антона Андреевича синонимом чего-то чистого, правильного и праведного.

Сауляк взял протянутый генералом список и быстро просмотрел его. Там были не только фамилии, адреса и телефоны, но и краткие характеристики рода занятий, а также сведения о семейном положении.

– У вас есть пожелания, с кого я должен начать, или я могу решать по своему усмотрению? – спросил Павел.

– На ваше усмотрение. Для меня это не имеет значения. Сколько денег вам нужно на первое время?

– Не знаю, я отстал от масштаба цен. Дайте мне тысячу долларов, я посмотрю, на сколько мне хватит этих денег, а там видно будет. Или я прошу слишком много?

– Нет-нет, – торопливо ответил генерал, вытаскивая бумажник, – это совсем не много. Впрочем, вы сами увидите.

За те три дня, что Павел отсиживался у него на даче, генерал Минаев подписал у него все необходимые бумаги и через подставных лиц продал машину Сауляка, которая все эти два года спокойно стояла в его охраняемом гараже. Добавив несколько тысяч долларов, он приобрел для Павла новую машину, которая более соответствовала бы образу человека, побывавшего «замужем» за границей и имеющего возможность не работать. Что и говорить, прежняя машина Сауляка была куда лучше, за ее невзрачным, даже порой вызывающим сочувствие внешним видом крылась невероятная мощь и выносливость, ибо нутро ее было все полностью переделано и переоснащено с помощью хороших специалистов. Разумеется, эти достоинства автомобиля были учтены при продаже, потому и цена за него была достаточно высокой. Теперь вместо сверхскоростных и сверхпроходимых «Жигулей» у Павла был черный «Сааб», но за два минувших года количество иномарок на столичных улицах увеличилось столь многократно, что степень незаметности и даже невзрачности нового автомобиля была вполне сравнима с незаметностью и невзрачностью старого.

Павел уехал в Москву. Минаев проводил его до калитки, долго стоял неподвижно, глядя ему вслед, пока тонкая и прямая, как натянутая струна, фигура его не скрылась за поворотом дороги, ведущей к железнодорожной платформе. Потом Антон Андреевич медленно вернулся в дом, запер изнутри дверь и принялся готовить себе ужин. Он знал, что теперь по меньшей мере неделю ему придется преодолевать приступы внезапной раздражительности и злости, и лучше всего в этот период поменьше общаться с людьми, которых не хотел бы обижать. Так бывало всегда, когда операция от этапа длительной предварительной проработки и тщательных приготовлений переходила к этапу реализации. На этапе подготовки еще можно было что-то переиграть, переосмыслить, перекомбинировать. Еще можно было отказаться от одной цели и вместо нее поставить другую, можно было отказаться от одних исполнителей и задействовать других. Можно было оттянуть начало операции, если почувствуешь, что не все готовы, что где-то не все стыкуется так, как надо. Пока не наступал этап реализации, еще все можно было поправить. Как только начиналась реализация, у генерала появлялось чувство, что он полностью утрачивает контроль над ситуацией. Люди начинали действовать в соответствии с предписаниями, подключались давно приведенные в готовность механизмы, схема начинала работать и раскручиваться, и в любой момент могло произойти что-нибудь неожиданное, грозящее крупными неприятностями и даже катастрофой. Можно построить самый совершенный аппарат, но когда его запустишь, то понимаешь, что повлиять на погоду ты не можешь и при определенных погодных условиях твой механизм пойдет вразнос. Как бы тщательно ни готовилась операция, все равно всех случайностей не предусмотрит. От невозможности повлиять на эти случайности и на их последствия и возникало у генерала Минаева отвратительное чувство неуверенности в себе и утраты контроля. Оно мешало ему спать, лишало аппетита и отравляло жизнь. Потом, спустя примерно неделю, это проходило.

* * *

Начало февраля радовало ясной погодой, правда, умеренно морозной, но зато солнечной и безветренной. Однако Евгения Шабанова солнечная погода раздражала. В его рабочем кабинете компьютер был установлен таким образом, что в солнечные дни становилось невозможно работать: экран отсвечивал. Он много раз прикидывал, как бы переставить мебель в кабинете, чтобы компьютер стоял более удобно, но так ничего и не смог придумать. Комната была длинной и узкой, и если повернуть стол, то он занимал практически всю ширину кабинета, а его владельцу пришлось бы сидеть спиной к двери. Шабанов не считал себя особенно нервным, но наличие двери за спиной его раздражало и мешало нормально работать.

Ровно неделя оставалась до 15 февраля – дня, когда Президент обещал приехать в свой родной город и там публично объявить, будет ли он баллотироваться на следующий срок. И задачей Евгения Шабанова было довести до полного совершенства текст президентского выступления. Впрочем, представление о том, какой должна быть речь, отличалось у Шабанова некоторой спецификой. Он кормился из рук президентского конкурента.

«Я много думал...» На этом месте Шабанов остановился. Очень выигрышное место, из него нужно выжать все, что возможно. Всем известна манера речи Президента – рубленые фразы с большими многозначительными паузами и полное отсутствие мягких доверительных интонаций, которыми так славился первый президент СССР, умевший говорить без бумажки и глядя в глаза. Нынешнему этого не дано, не умеет. И учиться не хочет. Стало быть, что? Правильно, побольше интимности в эту фразу добавить. «Я много думал, – застучал пальцами по клавиатуре Шабанов, – не спал ночами, спорил сам с собой...» Отлично! Шабанов представил себе, как рослый широкоплечий Президент, возвышаясь на трибуне, будет произносить этот текст, глядя в бумажку, своим металлическим, лишенным теплых интонаций голосом. Трудно придумать что-нибудь более нелепое. На этой фразе выступающий потеряет пару очков, уж это точно.

В целом текст был уже готов и несколько раз отредактирован разными советниками. Шабанов – последний, потому что он – имиджмейкер Президента. Он должен расставить акценты, паузы, одним словом, превратить литературный сценарий в режиссерский. Евгений еще раз пробежал глазами строки, дошел до слов: «с марта месяца проблем с заработной платой не будет», и поставил пометку, означающую, что последнее слово надо произнести громко, четко, желательно по слогам. Задержки с выплатой зарплаты уже стали притчей во языцех, даже дураку понятно, что с марта снять проблему невозможно. Какой умник, интересно, придумал вставить это невыполнимое обещание в текст речи? Но как бы там ни было – вставил. Вот и пусть Президент погромче произнесет свою клятву. Март не за горами, и позор невыполненного обещания ляжет на него несмываемым пятном. Вся страна услышит это «не будет», попробуй потом отопрись.

Конечно, советнички у нынешнего Президента – один другого умней. Заклятый враг так не навредит, как бестолковый советник. Шабанов даже не очень стыдился того, что на своем месте занимается исключительно тем, что заставляет Президента терять очки. Будь на его месте любой другой, даже безусловно преданный лидеру человек, к тому же хороший профессионал, он вряд ли смог бы противостоять тому вреду, который приносят эти неизвестно откуда взявшиеся советники. Вот, к примеру, расписание первого дня пребывания в родном городе Президента. На улице февраль, мороз, ветер, а ему напланировали несколько встреч с населением и трудящимися, во время которых Президент должен будет выступать не в помещении, а на улице. Кому такое в голову пришло? Ведь охрипнет, как пить дать. Или замерзнет и захочет погреться, как любой русский мужик. Известное дело, чем в России греются испокон веку. Так что или выйдет на трибуну произносить ответственнойшую речь с больным горлом, или...

Что так, что эдак – все одно нехорошо. То есть ему-то, Евгению Шабанову, как раз хорошо. Даже очень.

Он закончил работу в десятом часу вечера, выключил компьютер и с хрустом потянулся. Можно и домой. Он уже застегивал пальто, когда запищал телефон сотовой связи, лежащий на столе.

– Да, слушаю, – нетерпеливо произнес в трубку Шабанов, которому хотелось побыстрее сесть в машину и уехать.

– Если вас интересует человек, приехавший из Самары, – раздался в трубке незнакомый женский голос, – вы можете получить о нем информацию через час на углу Профсоюзной и улицы Бутлерова.

– Кто это? – растерянно спросил Шабанов, но женщина уже повесила трубку.

Интересует ли его человек, приехавший из Самары! Еще как интересуется. Во-первых, потому, что им интересуются его, Шабанова, покровители. И во-вторых, потому, что его хочет заполучить Соломатин, один из ярких сторонников и приверженцев Президента. Шабанов не знал, зачем его кормильцам этот человек из Самары, но знал точно, что нужен позарез. А про то, что его и Соломатин ищет, имиджмейкер прознал совершенно случайно, подслушав не предназначавшийся для его ушей разговор. Но кто же ему звонил?

* * *

Рита была самой спокойной и дисциплинированной из всей группы. Может быть, оттого, что от природы не была такой одаренной, как остальные. Но для определенных поручений ее способностей вполне хватало, даже с избытком, а сам Павел больше всего любил давать поручения именно ей. Рита не была строптивой и капризной, не задавала лишних вопросов и всегда в точности следовала инструкциям. Самое главное – чтобы инструкции были детальными, потому что экспромтами эта симпатичная тридцатилетняя женщина владела слабо.

Она была первой, с кем встретился Павел, вернувшись в Москву после восстановительного периода на даче у генерала Минаева. Войдя в ее квартиру, Сауляк сразу понял, что два года она сидела фактически без работы. То есть какая-то государственная служба у нее была, как и раньше, но зарплаты хватало только на самое необходимое. Ни одной новой вещи не заметил его цепкий взгляд, и телевизор был все тот же, и мебель, и палас на полу. Тогда, два года назад, после смерти Булатникова, когда Павел решил, что нужно спрятаться и отсидеться, он строго-настрого запретил членам своей группы подрабатывать и подхалтуривать.

– Вам должно хватить того, что вы заработали. Потерпите, пока я не вернусь, иначе стогрите, – предупреждал он, в глубине души будучи уверенным, что ни один из них не выдержит. Ведь спрос-то на их услуги по нынешним временам огромный!

Пожалуй, только в Рите он был уверен. И не ошибся, не подвела девочка, не ослушалась.

Она открыла ему дверь и долго стояла молча, вглядываясь в его постаревшее за два года лицо. Павел по обыкновению не глядел ей в глаза, чтобы не сбивать с настроения. Наконец он почувствовал, как рухнула невидимая стена, которую Рита моментально возвела между ними, едва увидев его.

– Ты вернулся, – тихо сказала она и заплакала. – Господи, наконец-то ты вернулся.

– Я же обещал, – скупой улыбнулся Павел. – Ну не надо, детка, не плачь, все хорошо. Я вернулся, мы снова начнем работать. Ты же, наверное, без денег сидишь.

– Да не в этом дело, Паша. Черт с ними, с деньгами. Страшно мне было, очень страшно. Я же цель потеряла, смысл. Раньше я знала, для чего живу. Было дело, была работа, и я должна была ее хорошо выполнять. А потом ты исчез – и все рухнуло. Я могла бы чем-нибудь заняться, но ты запретил...

– Вот и умница, – ласково сказал Сауляк. – Умница, что послушалась меня. Зато теперь все окупится. Поверь мне, все наладится. Ты сегодня же начнешь работать. Готова?

– Не знаю, – с сомнением покачала она головой. – Я так давно не работала. Может, у меня уже и не получится ничего.

– Получится, – заверил ее Павел. – Ты только верь в себя и настройся, и все получится. Нужно позвонить вот этому человеку и назначить ему встречу.

Он протянул ей бумажку, на которой был записан телефон Шабанова.

– Назначай встречу через час на углу Профсоюзной и улицы Бутлерова. Потом поедем с тобой вместе, ты с ним поговоришь, а я со стороны понаблюдаю.

Рита послушно потянулась к телефону.

– А если он не согласится встречаться со мной? – спросила она, нажимая кнопки. – Я должна его уговаривать?

– Ни в коем случае. Назначай встречу и вешай трубку. Если я ему нужен, он обязательно приедет. Если нет – то и нет. Значит, я ошибся.

Через двадцать минут они ехали в сторону Юго-Запада. Павел не отвлекал Риту разговорами, давая ей возможность сосредоточиться и сконцентрироваться. Только у станции метро «Калужская» он наконец прервал молчание.

– Ты все запомнила? Он должен тебе сказать, кто конкретно меня разыскивает и зачем. А ты ему – что я согласен на них работать, если они обеспечат мою безопасность. Отсюда пойдешь пешком. После встречи переходи на противоположную сторону Профсоюзной и иди до пересечения с улицей Генерала Антонова. Они не смогут за тобой ехать вплотную, потому что ты будешь двигаться в сторону, противоположную движению. Понятно?

– Да, Паша, – ответила она.

Голос ее был лишен всяких интонаций, и Павел понял, что она готовится к работе. Он высадил ее возле метро, проехал немного вперед, нашел удобное место для парковки, запер машину и двинулся к месту встречи с Шабановым.

Сауляк не случайно велел назначить встречу в этом месте. Здесь были удобные подходы и укромные места, из которых все отлично просматривалось. Вот подошла Рита и встала у киоска, вроде товар в витрине разглядывает. Оговоренный час истек, и Шабанов должен появиться с минуты на минуту, если вообще появится. Павел прислонился к дереву и привычно скрестил руки на груди. Нельзя расслабляться, нужно быть готовым прийти на помощь Рите, если понадобится. Хотя вряд ли. Задание для нее самое обычное, она с такими справлялась сотни раз, и только дважды у нее произошел сбой. Первый раз это случилось лет десять назад, когда она только-только начинала работать с Павлом. В момент беседы, которую она проводила вот так же на улице, какая-то машина сбила девочку. Рита отвлеклась, испугалась и уже не смогла собраться. Во второй раз это произошло спустя года три. Тогда Рита отправилась выполнять задание с высокой температурой: она подхватила тяжелый грипп. Павел знал, что нельзя работать, когда болеешь, и если бы Рита сказала ему о том, что нездорова, он ни за что не отправил бы ее выполнять это задание. Но она скрыла от него свою болезнь, за что потом Павел сурово ей выговаривал. Но сегодня Рита была здорова, и оставалось надеяться, что ничего непредвиденного на улице не произойдет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.